

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

**ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ СССР В ДНЕВНИКАХ
К.И. ЧУКОВСКОГО (1930-1953 ГОДЫ)**

Выпускная квалификационная работа
обучающейся по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое
образование по профилю «История и обществознание»
очной формы обучения, группы 02031203
Шевченко Екатерины Алексеевны

Научный руководитель:
к.и.н., старший преподаватель
Шатохина С.Б.

БЕЛГОРОД 2017

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Дневники К.И. Чуковского	10
Глава 2. Достижения и трагедии страны в жизни писателя	33
2.1 Стройки первых пятилеток, колхозное строительство, достижения в науке и технике	33
2.2 Политическая жизнь страны, репрессии	44
2.3 Война на страницах дневника	52
2.4 Материальные условия жизни писателей	58
Глава 3. Литературная жизнь страны и творчество К.И. Чуковского в его дневниках	72
3.1 Отношение к Союзу писателей и его руководству	72
3.2 Взаимоотношения с коллегами	85
3.3 Творчество К.И. Чуковского	98
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	108
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	112

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы исследования. Дневник К.И. Чуковского представляет собой необыкновенный и удивительный документ, отразивший на своих страницах общественную и литературную жизнь СССР. Он феноменален своей продолжительностью и хронологической последовательностью: охватывая период с 1901 года по 1969 год, дневник воспроизводит трагические события отечественной истории XX века, связанные с революциями, тотальным режимом, Великой Отечественной войной, годами «оттепели», началом «застоя». «В нем зафиксированы две трети века, в котором любая наугад выхваченная дата – знак беды, каждая истекает кровью»¹, благодаря этому, исследователи, по праву, считают его документальным произведением, достоверной литературной летописью эпохи.

Дневник К.И. Чуковского представляет собой также автобиографическое произведение: он содержит многочисленные сведения о жизни, работе, взглядах и мнениях писателя, тесно связанного с литературным процессом, заинтересованно следящего за литературой, политикой, бытом. Тем самым дневник расширяет и дополняет сведения о самом К.И. Чуковском, подтверждая его цельность и самобытность личности, органичность его творчества, отсутствие лукавства в оценках или притворства во мнениях. Дневник убеждает, что основные жизненные позиции автора сокровенных записей те же, что и в «откровенных», опубликованных им самим произведениях.

Кроме того, дневник К.И. Чуковского представляет собой художественное произведение. Эта особенность дневника выступает следствием потрясающего изобразительного портретного мастерства

¹ Боброва, О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: автореф. дисс. ...к. фил.н. – 10.01.01 / О.Б. Боброва / Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2007. – С. 4.

писателя. В дневнике К.И. Чуковского повествуется о М. Горьком, А.Куприне, А. Блоке, Л. Андрееве, А. Ахматовой, В. Маяковском, А. Толстом – выдающихся литераторах первой трети XX века. Также К.И. Чуковский упоминает в своем дневнике о встречах с не менее известными писателями и поэтами, такими как: О. Чюминой, А. Ремизовым, А. Куприным, М.Арцыбашевым, М. Альбовым и др. Такое многообразие литераторов, с которыми был знаком К.И. Чуковский, подтверждает духовную близость писателя со многими представителями литературного поприща. Самое замечательное в мгновенной точности портретов, запечатленных на страницах дневника, - нелинейность характеристик, пересечение разнонаправленных составляющих, внутренняя динамика, психологическая объемность. Нарисованные в дневнике портреты аскетичны и богаты, легко обозреваемы и глубоки.

Таким образом, **актуальность темы нашего исследования** определяется тем, что обращение к дневникам К.И. Чуковского даст возможность составить представление об общественной и литературной жизни СССР в 1930-1953 годы, об образе мышления советских писателей, проследить как складывались их неординарные судьбы в сравнительном анализе, в социально-историческом аспекте рассматриваемой эпохи. Это определило выбор темы нашей дипломной работы: «Общественная и литературная жизнь СССР в дневниках К.И. Чуковского (1930-1953 годы)». Обзор работ, посвященных историко-литературному значению дневника К.И. Чуковского, свидетельствует о его недостаточной изученности в данном направлении, что в свою очередь, препятствует полноценному научному осмыслению данной темы.

Хронологические рамки дипломной работы – первая половина XX века (с 1900-х – по 1953 годы).

Географические рамки исследования определяются спецификой темы исследования и охватывают территорию СССР, где жил и работал К.И.Чуковский в 1930-1953 гг.

Объектом исследования в работе являются дневники К.И. Чуковского (1930-1953 гг.), а **предметом** – специфика общественной и литературной жизни СССР в дневниках К.И. Чуковского (1930-1953 годы).

Цель исследования – рассмотреть в дневниках К.И. Чуковского эволюцию общественной и литературной жизни СССР в 1930-1953 годы в контексте его личных и творческих отношений.

Для достижения поставленной цели, необходимо решить следующие **задачи**:

- дать общую характеристику дневников К.И. Чуковского (1901-1969 гг.);
- проанализировать достижения и трагедии страны в жизни писателя;
- исследовать литературную жизнь страны и творчество К.И. Чуковского в его дневниках.

Степень изученности темы исследования. Впервые о существовании дневника стало широко известно в 1990 году после публикаций его отрывков сначала в журнале «Огонек», позднее в журнале «Новый мир». Публикация «Дневника» К.И. Чуковского вызвала научный интерес не только в литературных кругах, но и у историков.

Значительный вклад в изучение творческого наследия писателя, поэта, переводчика и критика принадлежит М. Петровскому². В 1966 году он написал единственную в своем роде монографию, посвященную К.И. Чуковскому («Книга о Чуковском»), в которой сумел обобщить и раскрыть значение литературного наследия писателя. Именно М. Петровский первым исследовал дневник писателя.

Не менее значимой является работа Т. Карловой «К. Чуковский – журналист и литературный критик»³, посвященная анализу деятельности К.И. Чуковского в качестве редактора сатирического журнала «Сигнал» и

² Петровский М.С. Корней Чуковский: критико-биограф. очерк / М.С. Петровский. – М., 1960. – 112 с.

³ Карлова Т.С. К. Чуковский – журналист и литературный критик / Т.С. Карлова. – Казань, 1988. – 144 с.

обозревателя газеты «Речь». Исследователь уделяет, главным образом, внимание публицистической направленности выступлений К.И. Чуковского и считает возможным «говорить о едином контексте его публицистики». Основным методом критики названа пародия, бурлеска, «снятие маски», косвенно затронута проблема импрессионизма его статей.

В работе В.А. Антипиной «Повседневная жизнь советских писателей. 1930-1950-е гг.»⁴ рассмотрены материальные обстоятельства, условия жизни и быта советских писателей 1930-1950-х гг. Основное внимание в книге уделено обстоятельствам жизни и деятельности писателей Москвы, Ленинграда и периферии. Она содержит большое количество архивных материалов и фотодокументов.

Среди исследований последних лет, посвященных вопросам общественной и литературной жизни СССР рассматриваемого периода в дневниковых записях К.И. Чуковского, особое внимание заслуживают диссертации О.Б. Бобровой «Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте»⁵, М.А. Обуховой «К.И. Чуковский и С.Я. Маршак в контексте биографий и автобиографической прозы»⁶, А. Кочетковой «К.И. Чуковский – литературный критик 1900-1910-х годов»⁷, а также ряд научных статей Е. Ивановой⁸, А.Ю. Кубайдуловой⁹ и других.

⁴ Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930 – 1950-е годы / В.А. Антипина. – М., 2005. – 408 с.

⁵ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил.н. – 10.01.01 / О.Б. Боброва / Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2007. – 170 с.

⁶ Обухова М.А. К.И. Чуковский и С.Я. Маршак в контексте биографий и автобиографической прозы: дисс. ...к. филол. наук. – 10.01.01 / М.А. Обухова / Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского. – Саратов, 2007. – 190 с.

⁷ Кочеткова А.А. К.И. Чуковский – литературный критик 1900-1910 – х годов: дисс. ...к. филол. наук. – 10.01.01 / А.А. Кочеткова / Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2004. – 188 с.

⁸ Иванова Е. Чуковский после Семнадцатого // URL: <http://chukovskiy.lit-info.ru/chukovskiy/about/ivanova-chukovskij-posle-semnadcatogo.htm>

⁹ Кубайдулова А.Ю. Дневник К.И. Чуковского: к вопросу о художественном своеобразии / А.Ю. Кубайдулова // Вестник СамГУ. – 2015. – № 11. – С. 120–125.

Источниковая база исследования представлена, прежде всего, текстами дневников: дневники Корнея Ивановича Чуковского (1901-1969 гг.), дневники Владимира Ивановича Вернадского (1938-1941 гг.), дневники Михаила Михайловича Пришвина (1931-1932 гг.).

В целях изучения общественно-политической ситуации и литературной мысли в рассматриваемый период, автором этой работы использовались исторические сведения и факты о повседневной жизни советских писателей 1930-х – 1950-х гг., представленные в работах: В.А. Антипиной¹⁰, А.В.Блюма¹¹, Ю.Г. Буртина¹² и др.

Значительный интерес представляют работы, в которых содержится оценка дневников современниками авторов дневников: Л.Я. Гинзбург¹³, М.Горького¹⁴, М.С. Петровского¹⁵ и др., а также труды отечественных исследователей, посвященные анализу дневникового наследия К.И.Чуковского (И. Андроникова¹⁶, В.А. Каверина¹⁷, Т.С. Карловой¹⁸, М.А.Петровского¹⁹, В.В. Розанова²⁰, Е.Ц. Чуковской²¹ и др.).

¹⁰ Антипина, В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930 – 1950-е годы / В.А. Антипина. – М., 2005. – 408 с.

¹¹ Блюм, А.В. Глава II. Главлит и его структура // Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953: монография / А.В. Блюм. – СПб., 2000. – 283 с.; – 320 с.; Закат Главлита: Как разрушалась система советской цензуры: Документальная хроника 1985–1991 гг. Книга: Исследования и материалы / А.В. Блюм. – М., 1995. – 187 с.

¹² Буртин, Ю.Г. Власть против литературы (60–е годы): Персональные цензурные дела по документам ЦК КПСС и Главлита / Ю.Г. Буртин // Вопросы литературы. – 1994. – Вып. 2. – С. 225.

¹³ Гинзбург, Л.Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. (Главы из книги) / Л.Я.Гинзбург // URL: <http://www.srcc.msu.su/uni-persona/ginsburg.htm> (Дата обращения: 28.12.2016)

¹⁴ Горький, М. Литературные портреты / М. Горький; вступ. ст. К. Чуковский. – М., 1963. – 576 с.

¹⁵ Петровский, М.С. Корней Чуковский: критико-биограф. очерк / М.С. Петровский. – М., 1960. – 112 с.

¹⁶ Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского / Предисл. И.Андроникова; Коммент. К. Чуковского; Сост., подгот. текста, примеч. Е.Чуковской. – М., 2006. – 584 с.

¹⁷ Чуковский, К.И. Дневник: в 3 т. Т. 1: 1901–1921 / К.И. Чуковский; сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской; предисл. В. Каверина. – М., 2011. – 592 с.

¹⁸ Карлова, Т.С. К. Чуковский – журналист и литературный критик / Т.С. Карлова. – Казань, 1988 – 144 с.

¹⁹ Петровский, М.С. Корней Чуковский: критико-биограф. очерк / М.С. Петровский. – М., 1960. – 112 с.

Среди публикаций, представляющих интерес с точки зрения исследования художественного своеобразия дневников особое место занимают работы: О.Б. Бобровой²², А.Ю. Кубайдуловой²³ и др.

Методологическую основу работы составляют принципы сравнительно-исторического, диалектического, историко-генетического, биографического методов, а также методы структурно-функционального и интертекстуального анализа.

С помощью сравнительно-исторического метода в диссертации путем сравнения выявлялось общее и особенное в исторических периодах творчества К.И. Чуковского с 1930-1950-е гг., данный метод позволил выявить и сопоставить уровни в развитии изучаемого объекта (дневники К.И. Чуковского), произошедшие изменения в литературной деятельности писателя, определить тенденции развития его литературного творчества. Основными принципами диалектического метода, при рассмотрении дневников К.И. Чуковского явились принципы: объективности, системности, историзма.

Одним из основных методов, используемых в данном исследовании явился историко-генетический метод, нацеленный на изучение генезиса (происхождения, этапов развития) конкретных исторических явлений в общественной и литературной жизни СССР в 1930-1953 гг., а также анализ причинности изменений в дневниках К.И. Чуковского.

²⁰ Розанов, В.В. К. Чуковский. Поэзия грядущей демократии. Уолт Уитмен [Электронный ресурс] / В.В. Розанов. – М., 2013. – URL: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_cid=25&pl1_id=6413; К.И. Чуковский о русской жизни и литературе / В.В.Розанов. – М., 2013. – URL: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_cid=25&pl1_id=7734.

²¹ Чуковская, Е.Ц. Литературный путь Корнея Чуковского / Е.Ц. Чуковская, Л.К. Чуковская // Книжное обозрение. – 1989. – № 47.

²² Боброва, О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: автореф. дисс. ...к. фил.н. – 10.01.01 / О.Б. Боброва / Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2007. – 27 с.; Общечеловеческие проблемы в дневнике К.И.Чуковского. Объективное и субъективное / О.Б. Боброва // Режим доступа: <http://refdb.ru/look/1236796.html> (дата обращения – 8.02.2017).

²³ Кубайдулова, А.Ю. Дневник К.И. Чуковского: к вопросу о художественном своеобразии / А.Ю. Кубайдулова // Вестник СамГУ. – 2015. – № 11. – С. 120–125.

Биографический метод использовался в работе, главным образом, в первой главе, в реконструкции значимых для К.И. Чуковского событий и выборов, выстраивании их причинно-следственной последовательности и выявлении их влияния на дальнейшее течение жизни писателя.

Структурно-функциональный метод применялся к объекту исследования (дневникам К.И. Чуковского), который рассматривался как структура, т.е. взаиморасположение и взаимосвязь элементов системы, каждый из которых выполняет определенную функцию.

С помощью интертекстуального анализа изучалось межтекстовое взаимодействие в дневниках К.И. Чуковского, выявление роли аллюзий, прецедентных текстов, цитат и т.п. в выражении концептуального смысла вторичного текста на основе его связи с текстом-источником (дневниками К.И. Чуковского).

Научная новизна исследования определяется тем, что в данной работе впервые предпринята попытка с помощью сравнительно-исторического анализа, специфики дневниковых образов К.И. Чуковского, пространственно-временной структуры повествования дневника 1930-1953 гг. раскрыть общественную и литературную жизнь СССР в дневниковых записях писателя.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее основные положения и выводы могут быть использованы в научных работах по изучению дневников К.И. Чуковского, а также во внеклассных занятиях и кружковой работе по истории и литературе.

Апробация результатов исследования. Материалы выпускной квалификационной работы прошли апробацию на конференции в Псковском государственном университете и опубликованы в сборнике «Молодежь – науке 2017» в виде тезисов.

Структура выпускной квалификационной работы. Работа состоит из введения, трех глав, вторая глава включает в себя четыре параграфа, третья глава три параграфа, заключения, списка источников и литературы.

Глава 1. Дневники К.И. Чуковского

В последние годы отмечается возросший со стороны исследователей научный интерес к человеческому, нравственному содержанию истории. Формирование исторического самоопределения российского социума, старающегося сопоставить осмысленный опыт прошлого с потребностями современности, явилось причиной издания огромного количества дневников. В дневниках запечатлены события прошлых лет, они являются историческим доказательством, которое обеспечивает не только духовную связь временную связь поколений, но и выступает особым индикатором культурного уровня российского социума.

В данном случае уникальность дневниковых записей знаменитых писателей не вызывает сомнения, ведь их по праву можно считать культурно-историческими памятниками, которым присуща самобытная неповторимость, свойственная писателям субъективная выразительность. Особые характерные черты дневников (прерывность записей, множество фактов и огромное количество личных наблюдений) являются в границах его жанрового потенциала важным индикатором, который придает дневникам особое значение как документального свидетеля исторических событий. Именно таким совершенным образцом жанра явились дневники К.И. Чуковского, ставшие огромным культурным явлением современности.

Прежде чем приступить к анализу дневников К.И. Чуковского, представляющих собой уникальный историко-литературный памятник, обратимся к краткой биографии этого выдающегося писателя, литературного критика, достойно занявшего высокое положение среди других, не менее знаменитых отечественных писателей.

Корней Иванович Чуковский, настоящее имя которого Николай Васильевич Корнейчуков (1882-1969), публицист, литературный критик, переводчик и литературовед, детский писатель и журналист, родился 19 марта (по новому стилю – 31 марта) в Петербурге. В возрасте трех лет после

развода родителей он остался жить с матерью в Одессе. Вначале отец присылал деньги на воспитание детей, а потом перестал, потому что, по слухам, женился – не то в Варшаве, не то на Кавказе. Присылаемых денег все равно не хватало, и семья жила в беспросветной нужде.

Мать К.И. Чуковского, оказавшись без мужа, без денег, без знакомых в большом и чужом городе, решила переселиться на юг, в Одессу. Там она на свой скудный заработок (она работала прачкой) отдала детей учиться. Все свои усилия она направляла на то, чтобы вывести детей «в люди», дать им образование, и больше всего боялась, что дети, оставшись без образования, не смогут выбиться из нужды, которая преследовала ее всю жизнь. Ее опасения не были безосновательны. Когда по печально известному циркуляру царского министра просвещения Делянова учебные заведения «очищались» от «кухаркиных детей», Николая Корнейчукова исключили из гимназии, в которой он учился в пятом классе²⁴.

В книге о своем детстве, «Гимназия», К.И. Чуковский лучшие страницы посвятил матери. Эти страницы проникнуты таким восхищенным преклонением и рисуют такой обаятельный образ замечательной женщины, крестьянки с Полтавщины, что сама тема гимназии отходит на второй план, и книга становится повестью о матери и ее «тайне». «Тайна» заключалась в том, что мать К.И. Чуковского не была венчана с его отцом, и это в условиях ханжеской морали, возведенной на уровень государственной политики, превращало жизнь матери в ад.

Еще с юношества Николай много трудился (малярное дело больше других пришлось ему по душе). Каждую свободную минуту отдавал учебе, много читал и самостоятельно изучал английский и французский языки. Неслучайно М. Петровский отмечал, что «этому писателю всегда, и в юности, и в старости, свойственная какая-то очень талантливая

²⁴ Петровский М. Корней Чуковский: критико-биографический очерк. – М., 1960. – С. 7 – 8.

работоспособность, беззаветное трудолюбие, вдохновенное труженичество»²⁵.

В 1901 году он стал публиковаться в газете «Одесские новости», а позднее в 1903 году стал корреспондентом этой газеты и был отправлен в Лондон. За время пребывания в Англии (1 год) Николай Корнейчуков занимался изучением английской литературы, а затем публиковал материалы о ней в отечественных печатных изданиях. Когда он вернулся в Петербург, стал заниматься литературной критикой, работал в журнале «Весы».

В 1905 под началом К.И. Чуковского был основан сатирический журнал «Сигнал», который выходил один раз в неделю. Его содержал певец большого театра Л. Собинов. В «Сигнале» размещались критические материалы, высмеивавшие современную власть, в результате чего журнал подвергся репрессиям за «поношение существующего порядка», а его основателя приговорили к шести месяцам заключения. Однако позднее (1905-1907 гг.) критические очерки К.И. Чуковского появились в разных изданиях, они были включены в книги «От Чехова до наших дней» (1908), «Критические рассказы» (1911), «Лица и маски» (1914) и др.

В 1912 К.И. Чуковский поселившись в финском местечке Куоккола, завел дружеские отношения с И. Репиным, В. Короленко, Л. Андреевым, А. Толстым, В. Маяковским и др. Воспоминания об этих знаменитых людях станут основой для создания К.И. Чуковским мемуарно-художественных книг, посвященных им. Разносторонность интересов К.И. Чуковского проявилась в его литературном творчестве (издание переводов из У. Уитмена, изучение детской литературы, детского словесного творчества, работа над творческим наследием Н. Некрасова, своего любимого поэта, о котором, позднее выпустит книгу «Некрасов как художник» (1922), сборник статей «Некрасов» (1926), книгу «Мастерство Некрасова» (1952)).

²⁵ Петровский М. Корней Чуковский: критико-биографический очерк. – М., 1960. – С. 6.

В 1916 году М. Горький пригласил К.И. Чуковского руководить детским отделом издательства «Парус», благодаря чему родились прекрасные произведения для детей: стихотворные сказки «Крокодил» (1916), «Мойдодыр» (1923), «Муха-цокотуха» (1924), «Бармалей» (1925), «Айболит» (1929) и др. К.И. Чуковскому принадлежит целая серия книг о мастерстве перевода: «Принципы художественного перевода» (1919), «Искусство перевода» (1930, 1936), «Высокое искусство» (1941, 1968).

В 1967 вышла книга «О Чехове». За последние годы своей жизни К.И. Чуковский не раз выступал с эссе-очерками о М.М. Зощенко, Б. Житкове, А.Ахматовой, Б. Пастернаке и многих других. Как отмечал М. Петровский в критико-биографическом очерке, посвященном К.И. Чуковскому, «если бы собрать все написанное им за шестидесятилетнюю литературную деятельность, получилась бы целая библиотека со многими тематическими, жанровыми и возрастными рубриками»²⁶. Разнообразие творческих его проявлений – одна из наиболее характерных черт его писательского облика. К нему очень подходит слово, которое так уважительно произносил М. Горький, - литератор. Умер советский писатель 28 октября 1968 в Кунцево, когда ему исполнилось 87 лет. Его похоронили в Переделкино, где он прожил долгие годы.

Обращаясь к характеристике дневников писателя, следует отметить, что свои дневники К.И. Чуковский вел шестьдесят девять лет (с 1901 по 1969 гг.). В течение такого длительного времени многое изменилось: К.И. Чуковскому довелось пройти через все революции и войны, которые выпали на долю России в XX веке, он пережил несколько литературных эпох, события которых затем смог запечатлеть в своих дневниковых записях. Первый том дневника (1901-1929 годы) включает записи, посвященные жизни русской интеллигенции первой трети XX века. К.И. Чуковскому удалось передать в своих записях психологические портреты М. Горького, А.

²⁶ Петровский М. Корней Чуковский: критико-биографический очерк. – М., 1960. – С. 6.

Толстого, И. Репина, А. Блока, В. Маяковского, Е. Замятина, А. Ахматовой, А. Кони и др.

Второй том «Дневника» сильно отличается от первого своей манерой изложения и характером записей. Это объясняется драматичностью и трагичностью событий, произошедших в обществе и семье Чуковских 1930-х – 40-х годов, описанных писателем очень подробно. В дневнике этого периода нашли отражение переживания писателя из-за арестов и гибели близких людей, запреты на публикации, война. Вместе с тем, несмотря на запреты по идеологическим соображениям, в дневнике прочитываются обстоятельства трагических судеб А. Ахматовой, Б. Пастернака, А. Фадеева и многих других.

Интересные подробности литературной и общественной жизни 1950-х – 60-х годов содержатся на страницах дневника этих лет: К.И. Чуковский оказывает поддержку А. Твардовскому и редакции «Нового мира», Б.Пастернаку и А. Солженицыну. Об этом свидетельствует, например, запись в дневнике К.И. Чуковского, сделанная им 27 октября 1957 года: «История с Пастернаком сто́ит мне трех лет жизни. Мне так хотелось ему помочь!!! ...Я сказал ему, что готовится поход против него, и сообщил о письме из «Нового Мира». А главное – о повестке, полученной мною из Союза писателей, с приглашением завтра же явиться на экстренное заседание...Мне стало ясно, что пощады ему не будет, что ему готовится гражданская казнь, что его будут топтать ногами, пока не убьют, как убили Зощенку, Мандельштама, Заболоцкого, Мирского, Бенед. Лившица, и мне пришла безумная мысль, что надо спасти его от этих шпицрутенгов. Спасение одно – поехать вместе с ним завтра спозаранку к Фурцевой, заявить ей, что его самого возмущает та свистопляска, которая поднята вокруг его имени...»²⁷.

²⁷ Чуковский К.И. Дневник. 1901-1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930-1969. – С. 392.

В конце 1960-х гг. имя К.И. Чуковского послужило «охранной грамотой»²⁸ для А. Солженицына. Это не отрицал и сам Александр Исаевич: «Корней Иванович открыл мне свой дом в самые тяжелые дни, когда очень реальна была возможность ареста. Вне его дома меня можно было смахнуть как муху. А вот здесь – не возьмешь»²⁹. В сентябре 1965 г. был конфискован архив А. Солженицына и К.И. Чуковский пригласил его пожить какое-то время на даче в Переделкино. В своем дневнике К.И. Чуковский писал: «Он бесприютен, растерян, ждет каких-то грозных событий – ждет, что его куда-то вызовут, готов даже к тюрьме»³⁰. Позднее А. Солженицын, вспоминая это время напишет: «В эту пору К.И. Чуковский предложил мне (бесстрашие для того было нужно) свой кров, что очень помогло мне и ободрило. В Рязани я жить боялся: оттуда легко было пресечь мой выезд, там можно было взять меня совсем беззвучно и даже безответственно: всегда можно свалить на произвол, на «ошибку» местных гебистов. На переделкинской даче Чуковского такая «ошибка» исполнителей была невозможна. Я гулял под темными сводами хвойных на участке К.И. – многими часами, с безнадежным сердцем, и бесплодно пытался осмыслить свое положение, а еще главней – обнаружить высший смысл обвалившейся на меня беды»³¹. К.И. Чуковский пытался помочь А. Солженицыну в получении квартиры в Москве, для этого он собирал подписи, отправлял ему письма, в которых высказывал свое понимание и поддержку.

Однако вместе с литературными эпохами, менялся и сам К.И. Чуковский. Так, как отмечает исследователь А.Ю. Кубайдулова «в дневниках ранних лет совершенно отчетливо прослеживаются черты, присущие

²⁸ Иванюшина И.Ю. А.И. Солженицын в дневниках и письмах К.И. Чуковского // Известия Саратовского университета. – 2014. – № 2. Т. 14. – С. 37.

²⁹ Солженицын А. Лидия Чуковская. Некролог // Литературная газета – 1996. – 14 февр.

³⁰ Цит. по: Иванюшина И.Ю. А.И. Солженицын в дневниках и письмах К.И. Чуковского // Известия Саратовского университета. – 2014. – № 2. Т. 14. – С. 38.

³¹ Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни // Новый мир. – 1991. – № 6. – С. 84.

дневникам периода индивидуации»³². Отметим, что данное понятие активно использует в своей аналитической психологии К.Г. Юнг применительно к процессу становления личности, такого ее психологического развития, при котором реализуются индивидуальные задатки и уникальные особенности человека. В своей статье «Сознание, бессознательное и индивидуация» К.Г. Юнг пишет: «Я использую выражение «индивидуация» в следующем смысле: это есть процесс, порождающий психологического «индивида», т.е. обособленное, нечленимое единство, некую целостность»³³. Дневники К.И. Чуковского, написанные на рубеже двух жизненных этапов и зрелого психологического возраста согласно типологии, предложенной О.Г. Егоровым можно отнести к типу дневников, продолжающих летопись жизни, начатую в раннем возрасте³⁴.

Вполне можно согласиться с мнением А.Ю. Кубайдуловой, что ранние дневники К.И. Чуковского содержат в себе все типичные для дневников периода индивидуации особенности. Первым и основным пунктом в психологическом развитии личности автора дневника является составление жизненного проекта. Данный проект мог представлять собой как развернутую программу с подробным описанием, так и краткое резюме, из которого следует анализ действий писателя. Для К.И. Чуковского свойственен второй вариант. Так, например, он намеревается улучшить владение английским языком: «К маю-июню научимся английские книги читать, лодку достанем. Май на лодке, июнь и вообще лето где-ниб. в глуби Кавказа, денег бы насобирать и марш туда!»³⁵.

Не менее важным элементом процесса индивидуации, отраженным в дневнике, является круг чтения. «Каждый писатель, прежде чем состояться

³² Кубайдулова А.Ю. Дневник К.И. Чуковского: к вопросу о художественном своеобразии // Вестник СамГУ. – 2015. – № 11. – С. 120.

³³ Юнг К.Г. Сознание, бессознательное и индивидуация // Зарубежный психоанализ / сост. и общ. ред. В.М. Лейбина. СПб., 2001. – С. 224–242.

³⁴ Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. – М., 2011. – С. 67.

³⁵ Чуковский К.И. Дневник: в 3 т. Т. 1: 1901–1921. / сост., подгот. текста, коммент. Е.Чуковской; предисл. В. Каверина. – М., 2011. – С. 167.

как писатель, обязан выработать свой личный читательский вкус. Читательский опыт очень важен, именно он создает систему оценки действительности, развивает способность к рефлексии. Самые детальные комментарии к прочитанным книгам можно наблюдать в дневниковых записях с 1901 г. по 1905 г. Это и есть период самоопределения Николая Корнейчукова, но еще не Корнея Ивановича Чуковского»³⁶. В дневниковых записях этого периода представлена главным образом духовная жизнь молодого писателя, формируются его литературные и художественные взгляды, а также жизненная позиция писателя.

В первые годы написания дневника на его страницах можно обнаружить многочисленные записи Николая Корнейчукова с процитированными выдержками из прочтенных книг и комментариями к ним. В этот период автор проявляет живой интерес к творческому наследию Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Некрасова, Г.И. Успенского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, т.е. его привлекают своим творчеством писатели-народники и литературные критики, работающие в революционно-демократическом направлении. Любимым его писателем в ту пору был А.П. Чехов, а Тютчева, В. Шекспира, А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова он уже тогда знал наизусть.

Не менее важным в период индивидуации выступает пристальный интерес Н. Корнейчукова к английскому языку и английской литературе. Знакомство с классическими языками было, пожалуй, для Н. Корнейчукова единственным вынесенным из гимназии положительным знанием. Среди первых дневниковых записей можно обнаружить заметки о том, как молодой человек с усердием учит английский язык, а записи, сделанные писателем на протяжении всего 1904 г. посвящены жизни в Лондоне.

В эти годы Н. Корнейчуков читает огромное количество произведений выдающихся английских писателей и поэтов: У. Шекспира, У. Теккерея, О.

³⁶ Кубайдулова А.Ю. Дневник К.И. Чуковского: к вопросу о художественном своеобразии // Вестник СамГУ. – 2015. - № 11. – С. 121.

Уайльда, О. Хаксли, Дж. Китса и др. В то же время юноша начинает заниматься переводом художественной литературы. В дневнике присутствуют объемные отрывки вариантов черновиков его перевода Р. Браунинга, А. Суинберна. Эти первые усилия в дальнейшем перейдут в профессиональную переводческую деятельность, а также в теоретические работы о переводе.

Еще одной составляющей процесса индивидуации является «создание образа наставника, собеседника, старшего товарища, который служил бы для автора дневника нравственным эталоном, образцом для подражания или мудрым советчиком»³⁷. Самые первые дневниковые записи Н. Корнейчукова свидетельствуют о том, что роль такого наставника-товарища выполнял Владимир Евгеньевич Жаботинский, известный в литературных кругах Одессы под псевдонимом Altalena. В.Е. Жаботинский был писателем, переводчиком, а в последствии стал одним из основателей государства Израиль. В.Е. Жаботинский начинал свой путь литератора сначала журналистом в газетах «Одесский листок» и «Одесские новости». К.И. Чуковский был немного младше В.Е. Жаботинского, оказавшего сильное влияние на становление молодого писателя: «Он ввел меня в литературу... Он выслушал мои философские бредни и повел меня к Израилю Моисеевичу Хейфецу, редактору «Одесских новостей», и убедил его напечатать отрывок из моей нескончаемой рукописи. Хейфец напечатал. Это случилось 6 октября 1901 г.»³⁸.

Для дневников периода индивидуации также характерно наличие свода моральных устоев, которые автор старается соблюдать, чтобы достигнуть намеченного идеала. К.И. Чуковский с ранних лет обозначил для себя безделие как главный критерий моральной деградации. В молодости он не воспринимал пустого времяпрепровождения, поэтому любыми способами

³⁷ Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. – М., 2011. – С. 23.

³⁸ Чуковский и Жаботинский. История взаимоотношений в текстах и комментариях / авт. и сост. Е. Иванова. – М., 2005. – С. 78.

борол в себе лень: «Книжками освежиться нужно. Ведь я совсем-таки ничего не читаю. Все шатаюсь без толку туда-сюда. Плохо это. Обет на себя налагаю – работать. Работать, не выходя из дому. Заполнить весь день работой»³⁹. Многие его современники говорили о поразительной трудоспособности К.И. Чуковского. Позднее Евгений Чуковский вспоминал: «Корней Иванович бездельников не то что не любил – презирал. Он ни разу не отдыхал в том понимании – лежать днями на пляже. Обычно, закончив большую работу, еще усталый, через несколько дней садился за стол, писал. Иначе, говорил, скучно»⁴⁰. Всю жизнь мучаясь мигренями и частыми бессонницами, К.И. Чуковский сожалел о каждом часе, отнявшем болезнью у работы.

Многим молодым дневниковедам характерна жесткая критика своих недостатков в процессе создания ими системы моральных норм, а планируемый процесс нравственного самосовершенствования должен был стать средством их искоренения. В этом плане К.И. Чуковский оставался самокритичным на протяжении всей своей жизни.

Еще одной характерной особенностью дневникового жанра является его пространственно-временная организация. Важное значение имеет в организации дневниковых записей хронотоп. Как правило, каждая запись в дневнике начинается с указания даты, а иногда и с указания места. При этом характерным отличием дневника как художественного целого является то, что автор хронологически упорядочивает все записи. Вместе с тем, в дневнике К.И. Чуковского можно выявить неспецифичную для дневникового жанра ретроспекцию, что во многом объясняется особым рефлексивным мышлением автора. «Классический дневник представляет собой последовательный ряд подневных записей, в которых отражаются текущие события из жизни автора, его близких и знакомых. Автор стремится зафиксировать в дневнике наиболее значимые факты, свидетелем и

³⁹ Чуковский К.И. Дневник: в 3 т. Т. 1: 1901–1921. / сост., подгот. текста, коммент. Е.Чуковской; предисл. В. Каверина. – М., 2011. – С. 67.

⁴⁰ Воспоминания о Корнее Чуковском / сост. и коммент. Е.Ц. Чуковской, Е.В.Иванова. – М., 2012. – С. 99.

участником которых он был. Время в таких случаях ограничивается прожитым днем, а пространство – тем сегментом действительности, в котором автор или кто-то из фигурирующих в записи людей присутствует физически»⁴¹.

Хронотоп данного типа, характерный для большинства дневников, не являющийся исключением и для К.И. Чуковского, О.Г. Егоров назвал локальным. Целая серия датированных записей в дневнике особо выражены писателем и являют собой повторяющиеся из года в год праздники или знаменательные семейные события. Так, несмотря на то, что в разные годы записи в дневник К.И. Чуковский делает с разной степенью частоты, почти всегда есть запись в канун Нового года (как правило, это подведение итогов предыдущего года или построение планов на грядущий). В то же время едва ли не каждый год можно найти записи, описывающие празднования дней рождений самого К.И. Чуковского и его детей. Например, запись от 24 марта 1919 г.: «Лидкино рождение. Она готовилась к этому дню две недели и заразила всех нас. Ей сказали, что она родилась только в 11 часов дня. – Я побегу в гимназию, и когда Женя мне скажет, что без пяти одиннадцать, начну рождаться. Колька сочинил оду. Боба – чашку. Я – Всеволода Соловьева, мама – часы. Будет белый крендель из последней муки»⁴².

Однако в дневнике К.И. Чуковского можно встретить, в соответствии с типологией О.Г. Егорова, так называемый континуальный хронотоп⁴³, когда время и пространство выходят за рамки «здесь» и «теперь». Ярким примером могут служить дневники К.И. Чуковского 1910-х гг. Это время социальных трансформаций, и К.И. Чуковский в своих ежедневных записях старается максимально охватить события, в частности и тех, свидетелем которых он сам не был: «Совсем не сплю. И вторую ночь читаю «Красное и черное»

⁴¹ Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. – М., 2011. – С. 43.

⁴² Чуковский К.И. Дневник: в 3 т. Т. 1: 1901–1921. / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской; предисл. В. Каверина. – М., 2011. – С. 244.

⁴³ Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. – М., 2011. – С. 44.

Стендаля, толстый 2-томный роман, упоительный. <...> через пять минут жена сказала о демонстрации большевиков, произведенной в Петрограде вчера»⁴⁴.

Пристальное внимание необходимо уделить особым средствам воплощения образов, выработанных дневниковым жанром. «Образ в дневнике не является фотографически точным отражением оригинала. Он содержит в себе отношение автора, в котором всегда имеется элемент субъективности. К тому же образ в дневнике не статичен, он может обогащаться содержательно. Если писатель раскрывает образ для читателя, то автор дневника открывает его в первую очередь для себя»⁴⁵.

Дневники К.И. Чуковского популярны своими «портретами». В предисловии к дневнику Вениамин Каверин пишет: «Легко рассказать об этой книге, как о портретной галерее. <...> Одни выписаны подробно – Репин, Горький, – другие бегло. Но и те, и другие с безошибочной меткостью. И эта меткость – не визуальная, хотя внешность, походка, манера говорить, манера держаться – ничего не упущено в любом оживающем перед вами портрете. Это – меткость психологическая...»⁴⁶. Горсточкой слов, несколькими штрихами ухватить сходство и передать характер – в этом деле К.И. Чуковский был непревзойден.

К.И. Чуковского как художника-портретиста можно сравнить с М.Горьким, портретную живопись которого он ставил очень высоко. К.И.Чуковский считал мемуарные портреты М. Горького самым серьезным его художественным достижением и лучшими портретными созданиями русской литературы. Всего лишь несколько небрежно высказанных К.И.Чуковским фраз в отношении своего знакомого, формирует в воображении читателя ярко выраженный запоминающийся образ, как будто

⁴⁴ Чуковский К.И. Дневник: в 3 т. Т. 1: 1901–1921. / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской; предисл. В. Каверина. – М., 2011. – С. 209.

⁴⁵ Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. – М., 2011. – С. 69.

⁴⁶ Чуковский К.И. Дневник: в 3 т. Т. 1: 1901–1921. / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской; предисл. В. Каверина. – М., 2011. – С. 8.

это не он, автор дневника, а мы, читатели, были знакомы — долго или мимолетно — с описанным персонажем. Позволим себе согласиться с мнением исследователя В.А. Каверина, относительно того, что «самое замечательное в мгновенной точности портретов, брошенных на страницы дневника, - нелинейность характеристик, пересечение разнонаправленных составляющих, внутренняя динамика, психологическая объемность»⁴⁷.

Не случайно К.И. Чуковский был близко знаком с выдающимися портретистами его времени — живописцами и графиками — от И. Е. Репина до Ю. П. Анненкова: он их единомышленник и, в тоже время, соперник по искусству портретного изображения. Нарисованные в дневнике портреты аскетичны и богаты, легко обозреваемы и глубоки. Портретный метод К.И. Чуковского можно противопоставить иконе с ее каноничностью и одноплановой, как будто замершей в самодостаточности, характеристикой. Сегодня образы многих известных деятелей приобрели характерную иконе каноничность, и свойственную ей же патетическую застылость — не портреты, а лики. Однако К.И. Чуковский представляет их по-другому, по-своему — разрушает иконные рамки и шаблонно-благопристойные представления читателей. К примеру, М. Горький у К.И. Чуковского совсем не похож на М. Горького, описанного в школьных учебниках, научных статьях и диссертациях. Здесь он предстает перед читателем живым, одержимым страстями человеком, и говорит он совсем не то, что обычно присуще говорить высоко утвержденному «основоположнику социалистического реализма»⁴⁸. Безусловно, прав был К.И. Чуковский, доверяющий живой жизни и владеющий искусством ее литературного воспроизведения, рисующий не лик, но — лицо.

Неканонические портреты канонизированных деятелей приобретут свою актуальность сегодня — ведь за ними стоит внутренняя свобода

⁴⁷ Чуковский К.И. Дневник: в 3 т. Т. 1: 1901–1921. / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской; предисл. В. Каверина. — М., 2011. — С. 8.

⁴⁸ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: автореф. дисс. ...к. фил.н. — Волгоград, 2007. — С. 4.

художника, и учат они свободе. Если бы дневник содержал только портреты «великих», то и тогда значение свидетельств К.И. Чуковского было бы очень значительно. Однако весьма общительный и наблюдательный К.И. Чуковский был лично знаком со всей русской литературой XX века, и навряд ли кто из его современников мог ускользнуть от его пронизательного взгляда. Огромное количество персонажей появляются в дневнике с биографическим эпизодом и портретной характеристикой. Следовательно, именной указатель к дневнику огромен, который поражает своим объемом и разборчивостью состава.

Сегодня сложно оценить вклад К.И. Чуковского в увековечивание упомянутых им имен. Для персонажей отечественной истории дневник К.И. Чуковского стал единственным или главным источником сведений: возглас поэта: «О, наука человековедения! Ты еще на грани ремесла!» - не имеет отношения к дневнику. Перед нами подлинная, и притом высшая, школа человековедения. Небрежные, казалось бы, записи «для себя» оборачиваются утонченным и проникновенным искусством описания человека. Дневник К.И. Чуковского, будто супротив законам природы, но в соответствии с законами культуры, реализует на деле утопию Н.Ф. Федорова: воскрешает «отцов», дарит им вечное – литературное существование, преодолевает «мировое сиротство»⁴⁹.

При создании таких выразительных и удивительно точных с точки зрения психологии портретов, К.И. Чуковский, согласно типологии О.Г. Егорова, пользуется в основном конструктивным приемом. Заметим, что под конструктивным приемом понимается «прием последовательного создания образа, путем прибавления черт характера, жизненных обстоятельств, поступков, характеристик других лиц и т.д. Созданные таким приемом образы раскрываются во временной последовательности»⁵⁰. Так, например, в своем дневнике К.И. Чуковский создает довольно подробный образ А.А.

⁴⁹ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: автореф. дисс. ...к. фил.н. – Волгоград, 2007. – С. 5.

⁵⁰ Кубайдулова А.Ю. Дневник К.И. Чуковского: к вопросу о художественном своеобразии // Вестник СамГУ. – 2015. - № 11. – С. 124.

Блока. Важно отметить, что образ А.А. Блока формируется в результате многолетней совместной работы и дружбы писателя. Точно также К.И. Чуковский создает образы В.В. Маяковского, И.Е. Репина, М. Горького и др. Гораздо реже при создании образов в своем дневнике К.И. Чуковский прибегает к репродуктивному приему (прием, при котором образ автором дневника не строится, а воспроизводится со слов других. Личная оценка автора лишь дополняет бытующее в обществе мнение о человеке⁵¹). Так, несмотря на то, что К.И. Чуковский не был знаком с Л.Н. Толстым, создает его образ в дневнике с помощью приведенных рассказов и воспоминаний о нем И.Е. Репина и М. Горького. Используя тот же принцип, К.И. Чуковский создает образ князя П.А. Кропоткина, лишь прибавляя к сформировавшемуся представлению о нем в социуме свои впечатления от знакомства и общения со знаменитым анархистом.

Важное место в структуре дневника занимает образ автора. Его своеобразие заключается в том, что автор в дневнике одновременно является и субъектом, и объектом повествования. Образ автора в дневнике К.И. Чуковского обладает характеристиками условно-объективного типа: «он стремится быть объективным в отношении себя в такой же степени, как и в отношении других лиц»⁵². Дневник литератора отражает трансформацию его мировоззрения, убеждений, взглядов на фоне событий современной ему действительности.

Важное значение в создании условно-объективного образа автора играет его реалистический взгляд на свою роль в происходящем, способность здраво оценить меру своего влияния на ход событий. «Для авторов данной группы дневников участие в событии не является поводом рассказывать о себе или смотреть на событие с позиции главного судьи»⁵³. К.И. Чуковский изображает, как правило, только те черты своего характера, которые

⁵¹ Кубайдулова А.Ю. Дневник К.И. Чуковского: к вопросу о художественном своеобразии // Вестник СамГУ. – 2015. - № 11. – С. 124.

⁵² Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. – М., 2011. – С. 81.

⁵³ Там же.

проявляются в моменты контактов с участниками событий, описываемых в дневнике. Таким образом, внутренний мир и некоторые свойства личности К.И. Чуковского могли так и остаться до конца не выраженными ввиду вовлеченности условно-объективного образа автора в события внешнего мира.

С образом автора в повествовательном пространстве дневника связан вопрос о типологии дневниковых записей. Дневник К.И. Чуковского, следуя типологии О.Г. Егорова, необходимо считать дневником переходящего типа, под которым понимается «дневник с меняющейся типологией: как правило, смена интровертивного типа на экстравертивный»⁵⁴. Несмотря на то что значительная часть дневниковых записей К.И. Чуковского классифицируется как экстравертивные, невозможно не учитывать отход писателя в сторону интровертивного типа в записях первых лет, что объясняется юным возрастом дневниковеда.

К.И. Чуковский на страницах своего дневника ярко продемонстрировал свои любовные чувства, душевные терзания в отношении своего происхождения («Я, как незаконнорожденный, не имеющий даже национальности (кто я? еврей? русский? украинец?) – был самым нецельным, непростым человеком на земле»⁵⁵). Вот что писал по этому поводу В.А. Каверин в своей вступительной статье к «Дневнику К.И. Чуковского (1901–1929 гг.)»: «есть, впрочем, одна интимная сторона жизни Чуковского, которая в его прижизненных изданиях едва проглядывает, а в дневнике прочерчена с резкой откровенностью: мучительное недовольство собой...»⁵⁶. «Если дневник и дает что-то новое для образа Чуковского, то эта «новизна» заключена прежде всего здесь – в этих пронзительно искренних и, надо полагать, совершенно необоснованных жалобах. А боль сиротства, «бастардства», безотцовщины определила в жизни и творчестве Чуковского

⁵⁴ Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. – М., 2011. – С. 92.

⁵⁵ Чуковский К.И. Дневник: в 3 т. Т. 2: 1922–1935 / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской. – М., 2011. – С. 209.

⁵⁶ Там же. – С. 9.

гораздо больше, нежели мы полагали до сих пор. Но ведь именно искренность этих ощущений, пусть и необоснованных, была тем мотором, который непрерывно устремлял Чуковского если не к совершенству, то уж, конечно, к совершенствованию...»⁵⁷.

Вполне можно согласиться с автором, что дневник К.И. Чуковского – «поразительный человеческий документ, свидетельствующий о непрестанной работе души по очищению и совершенствованию характера. Поэтому, описывая себя и свое окружение день за днем, К.И. Чуковский создал произведение, которое может быть прочитано как особого рода роман – именно роман воспитания, точнее, роман самовоспитания, ибо сколько талантов мы ни признавали бы за Чуковским, быть может, величайший из них – талант самовоспитания, упорное «делание самого себя», словно он принял обет возратить Создателю нечто лучшее, чем то, что получил от него. Демоном, который искушал писателя Чуковского, был сам Чуковский, вечно недовольный собой, стремящийся аскезой самовоспитания преодолеть муку сиротства»⁵⁸. Действительно, являясь этническим евреем, который провел все свое детство в Одессе и сумевший реализовать себя в русской литературе, К.И. Чуковский всю жизнь находился в поиске равновесия, в определенном смысле гармонии. Таким образом, дневники К.И. Чуковского относятся к такому типу дневниковых повествований, в которых происходит объединение экстравертивных и интровертивных стратегий автора.

Что касается дневниковых записей К.И. Чуковского 1930-х – 1953 годов важно отметить, что они отразили трагичность судьбы писателя, которая вписалась в судьбы миллионов изувеченных войной жизней, переживших тоталитарный террор, сталинизм. Именно потому дневниковые записи этих лет не только воссоздают трагичную память об испытаниях, тяготах и лишениях, неподдельную боль за творческую неустроенность, но и несут в себе значительную долю исторической и психологической

⁵⁷ Чуковский К.И. Дневник: в 3 т. Т. 2: 1922–1935 / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской. – М., 2011. – С. 9.

⁵⁸ Там же. – С. 10.

достоверности тех трагических событий, которые являются предметом исследования данной работы.

Записи, содержащиеся в дневнике этого периода, представляют собой документальное доказательство бедствий, которые представила реальность советского времени во второе десятилетие своего существования, поэтому в дневнике 1930-х годов зафиксировано не только субъективное и личное, но и раскрыты типичные признаки советской действительности и повседневные мелочи жизни, включающие большое количество доказательств, несоответствующих версиям о великом благе, принесенном большевиками. Бытовые подробности, житейские случаи, психологические детали или наяву услышанная разговорная речь – все это становится предметом пристального исследования и не ускользнуло от пристального взгляда писателя. Нехватка бумаги (25 ноября 1931 «...бумаги в 1932 году у ОГИЗа будет еще меньше, чем ныне, т.к. нет целлюлозы...»), вопиющая работа почты (27 ноября 1931 «...почта так разладилась, что спешные письма идут из Л-да в Москву 3-4 дня»), несвоевременная доставка продуктов (4 марта 1932 «...смотрел...на Москву: ...95 процентов...женщин нагружены какою-ниб. тяжестью: жестянками от керосина, корзинами, кошелками, мешками. И чем старше женщина, тем тяжелей ее груз. В трамваях эти мешки и кульки – истинное народное бедствие»), разлаженность расписания поездов (4 июля 1932 «Русские люди - ...как будто самим богом созданы, чтобы по несколько суток ожидать поездов и лежать вповалку на вокзалах...»⁵⁹) – все это становится страшным доказательством народных бедствий.

Излагая свои мысли в дневниковых записях, К.И. Чуковский не ограничивался только приведением фактов, он стремился не просто воспроизвести пережитое им, но и познать эти факты, их губительную сущность. Одной из основных мыслей дневниковых записей исследуемого периода заключается в том, что писатель абсолютно не одобряет поступки власти, направленные на истребление целых историко-культурных пластов,

⁵⁹ Чуковский К.И. Дневник. 1901-1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930-1969. – С. 142.

не попавших, по идеологическим соображениям, в партийные схемы. Так, например, давление власти на религию и церковь: в начале 1929 года в печати было опубликовано специальное партийное указание, согласно которому все религиозные организации были объявлены единственной законно действующей «контрреволюционной силой», имеющей огромное воздействие на общественные слои. Последствия этих указаний очевидны: «разрушение церквей, костелов, мечетей, синагог. Вместе с этим уничтожение национальных ценностей отечественной культуры: тысячами сжигались иконы, древние богослужебные книги, драгоценная утварь переплавлялась на лом, а священнослужителей арестовывали, ссылали в отдаленные местности, заключали в лагеря и расстреливали»⁶⁰. Так, 5 декабря 1931 года К.И. Чуковский стал очевидцем уничтожения храма Христа Спасителя, возведенного в Москве на народные пожертвования в честь победы над Наполеоном. Все что он увидел в тот день было во всех подробностях зафиксировано в его дневнике: «Выпалила пушка – три раза – и через пять минут, не раньше, взлетел сизый – прекрасный на солнце дым... И новый взрыв – и дым – и средняя башня становится кургузой...»⁶¹. Данная запись достаточно ярко отразила кровавые преступления, составлявшие внутреннюю политику «социалистического государства». 26 марта 1932 года К.И. Чуковский снова обращается к той же теме: «А мусорная куча на месте Храма Христа Спасителя все еще не разобрана. Копошаты на ней людишки, вывозят ее по частям, но она за весь этот месяц не уменьшилась...»⁶².

В своем дневнике от 21 декабря 1933 года К.И. Чуковский пишет о том, как: «сбивают с...Спасской Церкви колокола. Ночью. Звякают так, что вначале можно принять за благовест»⁶³. Противостояние идеологического диктата партии религии и церкви, требовало стандартизации духовной

⁶⁰ Боброва О.Б. Общечеловеческие проблемы в дневнике К.И. Чуковского. Объективное и субъективное // URL: <http://refdb.ru/look/1236796.html> (дата обращения: 8.02.2017).

⁶¹ Чуковский К.И. Дневник. 1901-1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930-1969. – С. 144.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. – С. 149.

жизни. Однако, самым ужасным было то, что идеологи, которые сотворили все эти бесчинства, не думали о том, что они уничтожали не просто церкви и сжигали иконы и древние книги, а разрушали национальное самосознание и великую национальную культуру. К.И. Чуковский не использует напрямую в своих дневниках понятие «общечеловеческие ценности», однако именно об их уничтожении он думал, когда писал о разрушении памятников архитектуры, созданных талантом и трудом народа. В своих дневниковых записях К.И. Чуковский чаще всего остается как бы беспристрастным наблюдателем, однако это можно объяснить, на наш взгляд, тем, что изложение на бумаге своего истинного отношения к происходящему, могло привести к очевидным последствиям.

К.И. Чуковский, как один из представителей дореволюционной научной и творческой интеллигенции, до конца оставшейся верной России и не сразу понявшей возмутительное несоответствие личных человеческих стремлений и лженародных призывов большевиков, старался тщетно понять советскую действительность, найти главные точки сближения с ней. Об этом повествует запись 4 июля 1932 года: «...много гнусного, много прекрасного – и чувствуется, что прекрасное надолго, что у прекрасного прочное будущее, а гнусное – временно, на короткий срок»⁶⁴.

Однако существующая реальность не оставляла никаких шансов на успокоение, что также было отражено писателем в дневнике. К.И. Чуковскому была известна трагедия на Украине, связанная с голодом, и в один миг в дневнике появилась запись 14 октября 1932 года о человеке, бежавшем из Украины, который рассказал: «У нас там истребление человечества! Истребление человечества...Ничего, и здесь то же самое будет...так вам и надо!»⁶⁵. Слова украинца, определенные самой судьбой и прозвучавшие как страшное пророчество, уже очень скоро начнут сбываться. Но К.И. Чуковский пока еще не хочет в них верить и, на первый взгляд, как

⁶⁴ Чуковский К.И. Дневник. 1901-1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930-1969. – С. 176.

⁶⁵ Там же.

будто не придает им должного значения. Вместе с тем самыми трагичными страницами дневника можно считать период с 1933 по 1939 год. На них освещена тема, которую сегодня историки характеризуют как «большой террор». Речь идет о массовых репрессиях. Проводя жестокую политику, советская власть использовала репрессивные меры к «идеологически неблагонадежным» членам общества, и это коснулось всех слоев населения, людей различных профессий и рода деятельности. Сегодня эти известные факты можно охарактеризовать как «безумие не просто повальное, но исторически predetermined, идейно запрограммированное диктаторской сущностью антинародного режима»⁶⁶.

Вчитываясь в каждую строчку дневниковых записей 1930-х годов, становится понятно, что пришлось пережить писателю, оставившему на бумаге трагическую память об испытаниях, которые уготовила эпоха тоталитаризма. Когда К.И. Чуковский приехал из Ленинграда в Москву в рабочих целях (6 октября 1933 года), его возмутило то обстоятельство, что многие из людей, с которыми он общался, просто исчезли. Трагичность этому событию, безусловно, придает осознание того, что за каждым именем, названным в дневнике, стояла чья-то жизненная драма и сломленная судьба. Конечно К.И. Чуковский прекрасно это понимал, однако он никак это не отражает в своих дневниковых записях, в силу того, что «осознание им бесповоротности повсеместно совершающегося зла не позволяло оставить даже след на бумаге, в котором была бы хоть попытка рационально объяснить происходящее»⁶⁷. Как точно подметила О.Б. Боброва «Нарастающий страх, что дневник может попасть в чужие руки – а писатель ни на минуту не сомневался, чем мог обернуться для него и его семьи дневник, если будет обнаружен соответствующими лицами, - порождал уверенность в том, что выжить можно, лишь скрывая свое лицо, пусть даже

⁶⁶ Боброва О.Б. Общечеловеческие проблемы в дневнике К.И. Чуковского. Объективное и субъективное // URL: <http://refdb.ru/look/1236796.html> (дата обращения: 8.02.2017).

⁶⁷ Там же.

от самого себя»⁶⁸. К.И. Чуковский вынужден молчать, и даже в самых сокровенных записях молчание писателя пронзительнее всего запечатлевает его душевную драму.

В данном случае следует вспомнить тех современных К.И. Чуковскому литературных критиков (Малинин, Смоленский), стремящихся обвинить писателя в трусости и конформизме. Такие обвинения с их стороны в адрес К.И. Чуковского представляются нам сегодня некорректными. Неслучайно этот дневник вышел в свет только в 1991 году. Все это свидетельствует о том, что дневниковые записи К.И. Чуковского были восприняты многими как представляющие собой угрозу даже спустя столько лет, следовательно, К.И. Чуковский донес в своих записях собственное понимание и правду времени. Именно поэтому сегодня дневник К.И. Чуковского воспринимается как суровый документ советской эпохи. Опираясь на дневниковые записи периода 1933-1939-х годов, характеризующиеся некоторым молчанием писателя, можно утверждать, что именно в нем (молчании) проявилось стремление К.И. Чуковского найти выход из сложившейся тогда трагичной действительности, надежда на светлое будущее. Ведя свои ежедневные записи, К.И. Чуковский проявил гражданское мужество, сознательно обрекая себя на риск, поскольку в дальнейших записях писателя содержаться трагические обстоятельства судеб многих современников К.И. Чуковского, особенно судеб писателей. Таким образом, дневник писателя 1930-х – 1953 годов с проникновенной точностью вообрал в себя органическую слитность личности автора и народной судьбы-беды.

В заключение следует отметить, что дневник К.И. Чуковского – это, прежде всего, произведение автобиографическое. Он содержит бесчисленное множество сведений о жизни, работе, взглядах и мнениях писателя К.И. Чуковского, причем большинство из них с дневником впервые попадают к читателю и в научный оборот. Но поскольку перед нами все-таки не записи

⁶⁸ Боброва О.Б. Общечеловеческие проблемы в дневнике К.И. Чуковского. Объективное и субъективное // URL: <http://refdb.ru/look/1236796.html> (дата обращения: 8.02.2017).

провинциального графомана, а дневник талантливого писателя, крепко связанного с литературным процессом, заинтересованно следящего за литературой, политикой, бытом, это вместе с тем историческое произведение, правдивая литературная летопись эпохи. Вместе с тем дневник К.И.Чуковского можно по праву отнести и к художественным произведениям. Это качество дневника – следствие блестящего изобразительного мастерства К.И.Чуковского, прежде всего мастерства портретного. Дневники К.И. Чуковского сегодня не изучены в полной мере, что вполне можно объяснить объемным изложением, а также фактом, что долгое время рукописные тетради не издавались, а первые издания дневников были подвергнуты жесткой цензуре и вышли в свет с купюрами. Таким образом, в данной главе предпринята попытка обнаружить некоторые черты художественного своеобразия дневников К.И. Чуковского, что должно помочь в его дальнейшем изучении.

Глава 2. Достижения и трагедии страны в жизни писателя

2.1. Стройки первых пятилеток, колхозное строительство, достижения в науке и технике

Дневниковые записи К.И. Чуковского 1930-х годов начинаются рассказом о пережитом времени, выступающим как бы в двух планах: личном, биографическом и событийным, основанным на демонстрации исторического пространства. Запись, сделанная 14 апреля 1930 года, становится «предопределением будущей внутренней повествовательной динамики, которая сохранится вплоть до 1936 года»⁶⁹. «Это страшный год – 30-й. Я хотел с января начать писание дневника, но не хотелось писать о несчастьях, все ждал счастливого дня, ...так и не выбралось счастливой минуты, а сейчас позвонила Тагер: Маяковский застрелился. Вот и дождался счастья...»⁷⁰.

События, о которых повествует в своем дневнике К.И. Чуковский, их последовательная динамика, напрямую зависят от авторской позиции, его личных установок. В то время, когда интересы писателя совпадали с фактами исторической действительности, в записях появляются различные отступления, вставки, которые, очевидно, возникали на основе ассоциаций.

Так, появление коллективных крестьянских хозяйств (колхозов) как значимое общественное явление того времени, оказало сильное влияние на построение дневниковых записей с мая 1930 года. Политика всеобщей коллективизации, которая претворялась в жизнь страны в 1929 году под призывом И.В. Сталина, в статье «Год великого перелома (7 ноября 1929 года в газете «Правда»⁷¹) была обозначена переломным моментом в развитии

⁶⁹ Чуковский К.И. Дневник. 1901–1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 5.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Дрейден С. Воспоминания К.И. Чуковского: О К.И. Чуковском // Театр. – 1989. – № 7. – С. 52 – 61.

«нашего земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному»⁷². В данной статье отмечалось также, что партии якобы удалось добиться перелома в настроениях деревни, и в колхозы добровольно пошли целыми селами, волостями, районами, даже округами...»⁷³.

Все эти события, связанные с колхозным строительством, побудили К.И. Чуковского к детальному анализу проблемы деревни и крестьянства. Свое исследование автор выстраивает на основе изучения традиций и литературного материала выдающихся мастеров деревенской прозы 1860-70-х годов. Так, 30 мая 1930 года он написал в дневнике: «Изучаю народничество: читаю Юзова (Каблица), Михайловского, Эртеля и проч. и проч. Обложен со всех сторон «Отечественными записками» 70-х годов»⁷⁴.

Проанализировав скрупулезно наследие писателей-народников, К.И. Чуковский 1 июня 1930 года в своем дневнике сделал запись: «Напишу-ка я лучше о том, что сейчас волнует меня больше всего... Я изучил народничество – исследовал скрупулезно писания Николая Успенского, Слепцова, Златовратского, Глеба Успенского – с одной точки: что предлагали эти люди мужику? Как хотели народники спасти свой любимый народ? Идиотскими, сантиментальными, гомеопатическими средствами. Им мерещилось, что до скончания века у мужика должна быть соха – только лакированная, - да изба, - только с кирпичной трубой, и до скончания века мужик должен остаться мужиком – хоть и в плисовых шароварах. У Михайловского – прогресс заключается в том, чтобы все мы по своему духовному складу становились мужикоподобными. И когда вчитаешься во все это, изучишь от А до Z, только тогда увидишь, что *колхоз* – это единственное спасение России, единственное *разрешение* крестьянского

⁷² Дрейден С. Воспоминания К.И. Чуковского: О К.И. Чуковском // Театр. – 1989. – № 7. – С. 52 – 61.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Чуковский К.И. Дневник. 1901– 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930– 1969. – С. 12.

вопроса в стране! Замечательно, что во всей народнической литературе ни одному даже самому мудрому из народников, даже Щедрина, даже Чернышевскому – ни на секунду не привиделся колхоз. Через десять лет вся тысячелетняя крестьянская Русь будет совершенно иной, переродится магически – и у нее настанет такая счастливая жизнь, о которой народники даже не смели мечтать, и все это благодаря колхозам. Некрасов – ошибался, когда писал:

...нужны не годы —

Нужны *столетья*, и кровь, и борьба,

Чтоб человека создать из раба⁷⁵.

Столетий не понадобилось. К 1950 году производительность колхозной деревни повысится вчетверо⁷⁶.

Ассоциативная система построения данной дневниковой записи К.И. Чуковского появляется именно тогда, когда автору удастся погрузиться в обозначенную проблему. Становится очевидным, что мыслительная деятельность писателя выстраивается на взаимодействии трех временных периодов: прошлого, настоящего и будущего. Все эти временные пласты тесно переплетаются и в результате образуют «единый смысловой комплекс»⁷⁷. Записи, повествующие о событиях прошлого, содержат критические замечания К.И. Чуковского в адрес изученного им литературного материала: «...Как хотели народники спасти свой любимый народ? Идиотскими, сантиментальными, гомеопатическими средствами. Им мерещилось, что до скончания века у мужика должна быть соха – только лакированная, – да изба, – только с кирпичной трубой...»⁷⁸. Автор иронизирует и настоящее время: «...Колхоз – это единственное спасение

⁷⁵ Дрейден С. Воспоминания К.И. Чуковского: О К.И. Чуковском // Театр. – 1989. – № 7. – С. 52 – 61.

⁷⁶ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 173.

⁷⁷ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил. н. – Волгоград, 2007. – С. 126.

⁷⁸ Чуковский К.И. Дневник. 1901–1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930–1969. – С. 144.

России, единственное разрешение крестьянского вопроса в стране! Замечательно, что во всей народнической литературе ни одному даже самому мудрому из народников, даже Щедрина, даже Чернышевскому – ни на секунду не привиделся колхоз»⁷⁹. Далее автор идеализирует настоящее, проводя параллель к началу «светлого будущего»: «Через десять лет вся тысячелетняя крестьянская Русь будет совершенно иной, переродится магически – и у нее настанет такая счастливая жизнь, о которой народники даже не смели мечтать, и все это благодаря колхозам»⁸⁰. Далее следует запись от 5 июня 1930 года: «...Вечером был у Тынянова. Говорил ему свои мысли о колхозах. Он говорит: я думаю то же. Я историк. И восхищаюсь Сталиным как историк. В историческом аспекте Сталин как автор колхозов, величайший из гениев, перестраивавших мир. Если бы он кроме колхозов ничего не сделал, он и тогда был бы достоин назваться гениальнейшим человеком эпохи...»⁸¹. Таким образом, представления о светлом будущем у К.И. Чуковского наполнены надеждой и верой в возрождение крестьянского хозяйства и, отчасти, носят идеализированный, утопический характер.

Вскоре иллюзорные рассуждения писателя о месте и значении колхозов были развеяны. В феврале 1929 года правительством было издано постановление «О порядке применения кодексов законов о труде в кулацких хозяйствах», а в мае этого года постановление «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде»⁸², согласно которого практически каждый третий крестьянский двор имел все признаки кулацкого хозяйства. В социальном сознании активно формировался «образ кулака-злодея»⁸³, в результате чего началось массовое раскулачивание

⁷⁹ Чуковский К.И. Дневник. 1901–1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 144.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

⁸² Дрейден С. Воспоминания К.И. Чуковского: О К.И. Чуковском / С. Дрейден // Театр. – 1989. – № 7. – С. 52 – 61.

⁸³ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил. н. 10.01.01 / О.Б. Боброва / Южный федеральный университет. – Волгоград, 2007. – С. 127.

(репрессии) по отношению к кулакам.

Тема коллективизации у К.И. Чуковского снова зазвучала 13 сентября 1930 года, когда он приехал в один из колхозов татарской деревни Кикенеиз. Реальная ситуация в этом колхозе не соответствовала тем идеальным представлениям писателя, о которых он писал ранее: «Колхоз сконструировался 19 ноября 1929 года. Всех хозяйств вошло в него 106 (из них 58 бедняцких, 49 середняцких, батраков), 3 одиночки: учитель, избач, культурник. С кулаками борьба была жестокая, 10% всего населения – политзаключенные (часть из них, впрочем, возвращена, восстановлена в правах). Колхоз разработал много диких земель – и вот в общем теперь у него табаку 27½ га, винограду 35½ га, сад 15½ га, огород 10 га; колхоз завел новую школу, антисейсмическую, оборудовал новую амбулаторию (где еще нет стационара), закрытую столовую – для школы, для очага, для колхозников... Работа в колхозе вялая, крестьянин для коммуны работает не так энергично, как работал он для себя, колхозники сами себя обманывают, набирая вдвое больше талонов на обед, чем им нужно...Особенно обидно колхозникам, что они продают кило винограду по 75 коп., а частник сvez ночью тайком свой виноград и продал по 2 с полтиной, но теперь решено привлекать частных к судебной ответственности за нарушение твердых цен – и дело пойдет аккуратнее. Тракторов нет: спекультуры»⁸⁴.

Важно отметить, что дневниковые записи К.И. Чуковского, сделанные в этот период, можно сопоставить с рассуждениями в дневнике В.И.Вернадского⁸⁵. В дневниках обоих авторов зафиксирован один и тот же год – 1930, время первых пятилеток и колхозного строительства. Однако каждый писатель по-своему переживает это время: К.И. Чуковский, когда анализирует современную ему действительность, своими выводами абстрактно воспринимает процесс коллективизации, в то время как В.И.

⁸⁴ Чуковский К.И. Дневник. 1901–1969: В 2 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003. – Т. 2: Дневник. 1930–1969. – С. 234.

⁸⁵ Вернадский В.И. Дневники // URL: <http://vernadsky.lib.ru/> (Дата обращения: 11.01.2017)

Вернадский демонстрирует последствия страшного социального эксперимента «раскулачивания» как непосредственный свидетель тех событий. В своем дневнике В.И. Вернадский писал: «Когда в Хибино-горске (теперь Кировск) я встретился с так называемыми «кулаками», которые сыграли огромную созидательную роль в овладении Севером, пережив преследования...со стороны...низкого морально ГПУ – явно аморального и преступного. Тогда мне казалось, что в среднем,... «кулаки» в смысле рабочей силы – цвет русского народа»⁸⁶. Таким образом, В.И. Вернадский, на наш взгляд, был более объективным в отношении «кулаков» нежели К.И. Чуковский. Осмысление коллективизации как исторического явления в судьбе нашей страны, приведенное в своих дневниках писателем и ученым, демонстрирует типичное восприятие действительности 1930-х годов.

Все события 1930-х годов, описанные в дневнике К.И. Чуковского, представлены в виде особой организованной сюжетной системы. Их изложение упорядочено и отражает динамику исторических действий: от конкретных фактов писатель переходит к исследованию пережитых им событий, а впечатления от увиденного им приобретают ассоциативный характер. Важно отметить факт присутствия внутренних ассоциативных переживаний, уникальных «путей авторской мысли» как обязательного принципа организации дневниковых записей К.И. Чуковского. Следовательно, как отмечает О.Б. Боброва, «дневниковый сюжет воссоздается путем психологической формы хронотопа»⁸⁷.

В данном случае весьма показательна запись, сделанная К.И. Чуковским 22 ноября 1931 года: «Вчера приехали в Москву – жестким вагоном, нищие, осиротелые, смертельно истерзанные. Ночь не спал... Москва накинута на нас, как дикий зверь,- беспощадно... С тяжелым портфелем, с чемоданом вышли мы оба на вокзале... трамвая нет, доехали до

⁸⁶ Вернадский В.И. Дневники // URL: <http://vernadsky.lib.ru/> (Дата обращения: 11.01.2017)

⁸⁷ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил. н. – Волгоград., 2007. – С. 127.

полдороги, сошли, ни в какие трамваи не войти, хоть плачь: такси нет, носильщиков нет, не дойти мне.... Ждать холодно, пальто у меня летнее, перчаток нет, я сажусь на чемодан, прямо на панели, на мосту – и вглядываюсь, вглядываюсь в прохожих...Тоска. Вот я – старик, так тяжело проработавший всю жизнь, сижу, без теплой одежды, на мосту, и все плюют и плюют мне в лицо, а вдали высится домина – неприступно-враждебный, и Мурочки нет – я испытал свирепое чувство тоски»⁸⁸.

Ассоциативное восприятие К.И. Чуковским Москвы (город – «как дикий зверь»), Дома Правительства («домина» - неприступно-враждебный) выступают главным приемом, использованным писателем для соединения разных временных планов: настоящего («сижу», «Мурочки нет»); условного («всю жизнь»); прошлого («вчера приехали»). Повышенную эмоциональность данным ассоциациям придают расположение средств художественной выразительности писателя: «нищие», «осиротелые», «смертельно истерзанные», «свирепое чувство тоски». Важно заметить, что тема смерти, довольно часто возникающая в дневниковых записях К.И. Чуковского вызвана не только трагической реальностью того времени, но и особым мировосприятием писателя, который был наделен «сверхчувственной интуицией в осмыслении времени и истории»⁸⁹. Трагичные события той эпохи способствовали усилению этого чувства у писателя.

Не менее важным принципом организации дневниковых записей К.И.Чуковского является «мозаичный»⁹⁰ принцип. Используя локальный хронотоп, писатель уделяет особое внимание анализу маловажных, на первый взгляд, событий жизни, которые в совокупности и образуют общее восприятие исторического и личного времени. Такая организация

⁸⁸ Чуковский К.И. Дневник. 1901-1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930-1969. – С. 89.

⁸⁹ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил. н. – Волгоград., 2007. – С. 128.

⁹⁰ Там же.

повествования, носящая мозаичный характер, определяет концентрацию внимания К.И. Чуковского на определенном событии из его жизни и как-бы переносит это состояние писателя на восприятие им окружающей действительности.

Основанием такого принципа организации дневниковых записей выступает намеренное желание писателя создать специфичный «мозаичный эффект»⁹¹, характеризующийся фрагментарным повествованием, объединенным авторской мыслью или общей темой, в зависимости от тех событий, которые находятся в центре, т.к. внутри можно наблюдать постоянные отходы от темы.

В дневниковых записях 1930-х годов К.И. Чуковскому удалось зафиксировать присущие тому времени подробности жизни советского человека, в которой органично представлены повседневный быт, психологические особенности, наяву услышанная разговорная речь.

Благодаря этому можно установить причинно-следственные связи, которые удивительным, мозаичным образом соответствуют движению мыслей писателя: «...бумаги в 1932 году у ОГИЗа будет еще меньше, чем нынче, так как нет целлюлозы и не ввезено новых машин для ее оборудования, а на Каме какой-то завод, только что открытый, пришлось закрыть и консервировать»⁹² (25 ноября 1931 г.); возмущает автора и *неслаженность в работе почты*: «...почта так разладилась, что спешные письма идут из Л-да в Москву 3-4 дня»⁹³ (28 ноября 1931 г.), *неорганизованность в доставке продуктов питания*: «...смотрел из окна на Москву: ...95 проц. всех проходящих женщин нагружены какою-ниб. тяжестью: жестянками от керосина, корзинами, кошелками, мешками. И чем старше женщина, тем тяжелей ее груз. Только молодые попадают порою с

⁹¹ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил. н. – Волгоград, 2007. – С. 128.

⁹² Чуковский К.И. Дневник. 1901-1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 68.

⁹³ Там же.

пустыми руками. Но их мало. Так плохо организована добыча провизии, что каждая «хозяйка» превратилась в верблюдицу. В трамваях эти мешки и кульки – истинное народное бедствие. Мне всю спину моего пальто измазали вонючею рыбою, а вчера я видел, как в трамвае у женщины из размокшей бумаги посыпались на пол соленые огурцы и когда она стала спасать их, из другого кулька вылетели струею бисквиты, тотчас же затоптанные ногами остервенелых пассажиров. Это явление обычное, т.к. оберточная бумага слабей паутины»⁹⁴ (4 марта 1932 г.), *несогласованность в расписании поездов*: «...В расписании все выходило отлично: поезд № 71 отходит от Минеральных Вод в 4.25, а в Армавир приходит в 9.12. Из Армавира поезд № 43 отходит в 10.20. Но вся эта красота разрушилась с самого начала: поезд, отходящий от Мин. Вод, *отошел* с запозданием на 1½ часа – и конечно, появился в Армавире, когда поезд № 43 отошел. Нас выкинули ночью на Армавирский вокзал, на перрон – и мы попали в кучу таких же несчастных, из коих некоторые уже трое суток ждут поезда, обещанного им расписанием. Причем, если послушать каждого из этих обманутых, окажется, что запоздание сулит им великие бедствия. (Женщина вызвана в Сочи телеграммой мужа; адреса мужа не знает, денег у нее в обрез, если он не встретит ее на вокзале – ей хоть застрелись)»⁹⁵, «...Русские люди – как и в старину – как будто самим богом созданы, чтобы по несколько суток ожидать поездов и лежать вповалку на вокзалах, пристанях и перронах»⁹⁶ (4 июля 1932 г.). Представленная мозаичность фактов вполне соответствует движению мыслей самого автора. Она помогает детализировать повествование и сконцентрировать внимание писателя на самом главном – несоответствии советской действительности рассматриваемого периода обещаниям «великого блага» со стороны большевиков.

Важно отметить, что на протяжении всех записей К.И. Чуковского в

⁹⁴ Чуковский К.И. Дневник. 1901-1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 68.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. – С. 69.

контексте мозаичности описанных им событий, его внимание привлекает одна и та же тема, повторяющаяся многократно, становясь ведущим мотивом всего повествования. Такой темой в дневниковых записях писателя выступают факты гонений советской власти на религию и церковь.

Известно, что еще в начале 1929 года было издано партийное указание, которое гласило о том, что все религиозные организации были признаны единственной легально действующей «контрреволюционной силой»⁹⁷. Результатом данного документа стало закрытие и разрушение церквей, костелов, мечетей, синагог. Были уничтожены в колоссальном количестве иконы, древняя богослужебная литература, на лом переплавлялась драгоценная утварь, арестовывали, отправляли в ссылку, заключали в лагеря и расстреливали священнослужителей⁹⁸.

В своем дневнике К.И. Чуковский пытался не только зафиксировать подобные случаи, но и проникнуть в суть происходящих событий. Так, 5 декабря 1931 года автор стал очевидцем уничтожения храма Христа Спасителя, возведенного в Москве на народные пожертвования в честь победы над Наполеоном. Все что ему довелось увидеть он во всех подробностях описал в своем дневнике: «Выпалила пушка – три раза – и через пять минут, не раньше, взлетел сизый – прекрасный на солнце дым... И новый взрыв – и дым – и средняя башня становится совсем кургузой...»⁹⁹. Снова писатель обращается к этой теме 26 марта 1932 года: «А мусорная куча на месте Храма Христа Спасителя все еще не разобрана. Копшатся на ней людишки, вывозят ее по частям, но она за весь этот месяц не уменьшилась...»¹⁰⁰. Еще одна запись К.И. Чуковского, сделанная им 21 декабря 1933, вновь обращает нас к этой кошунственной теме: «Сбивают с...Спасской Церкви колокола. Ночью. Звякают так, что вначале можно

⁹⁷ Фадеев А. Материалы и исследования. – М., 1977. – С. 194.

⁹⁸ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил. н. – Волгоград, 2007. – С. 129.

⁹⁹ Чуковский К.И. Дневник. 1901-1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930-1969. – С. 89.

¹⁰⁰ Там же.

принять за благовест»¹⁰¹.

Становится очевидным осознание К.И. Чуковского разрушительного характера окружающей действительности. Ведущий мотив разрушения реконструируется автором сквозь призму собственных мозаичных наблюдений: записи, сделанные дневниковедом 5 декабря 1931 года, 26 марта 1932 года, а также 21 декабря 1933 года, переданы им в форме резкого противопоставления («мусорная куча» - «Храм», «звякают» - «благовест»). Уничтожение памятников культурно-исторического наследия лишено всякого здравого смысла для автора дневника, именно поэтому эти события он воспринимает как «однообразное повторение, бессмысленное чередование, антигармонию: («врыв» - «дым, прекрасный на солнце» - «новый взрыв»)¹⁰². Заметим также, что писатель с пренебрежением описывает эти события, такая интонация только усиливает отрицательное смысловое содержание повествования: противостояние идеологии партии религии и церкви перешло все дозволенные моральными принципами границы.

Важно отметить, что дневниковые записи К.И. Чуковского об этих событиях фактологически совпадают с записями М. Пришвина, сделанными в 1930-1932 гг.: «С колоколен Троице-Сергиевой лавры сбрасывают древние колокола, в Москве взорван храм Христа Спасителя, и на прежней высоте креста в воздухе вьются птицы, бывшие жители храма, как будто все надеясь, что явится опять их насиженное место...»¹⁰³. При этом, прямолинейные высказывания и комментарии автора отсутствуют, что еще более обостряют символичность изображаемых событий: разрушение культурно-исторических памятников, несоответствующих идеологии партии, перевоплощается в дневниковых записях М. Пришвина в проблему уничтожения ценностей

¹⁰¹ Чуковский К.И. Дневник. 1901-1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930-1969. – С. 89.

¹⁰² Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил. н. – Волгоград, 2007. – С. 130.

¹⁰³ Пришвин М. Дневник. 1931 – 1932 гг. / М. Пришвин // Октябрь. – 1990. – № 1. – С. 47.

всего человечества.

Таким образом, обобщая выше сказанное, можно заключить, что в дневниковых записях К.И. Чуковского рассматриваемого периода (1930-1953 годы) значительное место отводится анализу исторических событий, связанных со стройками первых пятилеток, колхозным строительством, достижениями в науке и технике. Все эти события органично соотносятся в контексте трех временных измерений: настоящего, прошлого и будущего. При этом, за описанием конкретных событий, как правило, следует анализ пережитого автором, постепенно усложняя первые впечатления от увиденного личными переживаниями. Важно подчеркнуть совпадения многих фактов, приведенных в дневнике К.И. Чуковского, с записями других ученых и писателей-современников, таких как В.И. Вернадский и М. Пришвин.

2.2. Политическая жизнь страны, репрессии

В дневниковых записях К.И. Чуковского 1930-1953 годов значительное место уделено анализу политической жизни страны и событиям, связанным со временем «большого террора». Особенностью этих записей, как, впрочем, и всего дневника писателя, является, как отмечалось ранее, мозаичность в организации повествования. При таком принципе построения записей можно увидеть характерное членение событий, а также не привязанность к определенному периоду. Следовательно, действия, описанные автором, могут происходить как в конкретный период времени, а могут и не иметь точной привязанности к определенному локализованному временному пространству. Для записей К.И. Чуковского 1930-х гг. характерным является подмена «пространственной локализации»¹⁰⁴ постоянными повторами, которые придают повествованию особый ритм (24 ноября 1931 года, 27

¹⁰⁴ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил. н. – Волгоград, 2007. – С. 131.

ноября 1931 года, 18 июня 1933 года, 26 ноября 1933 года).

Этим повторениям подвержена тема репрессий или массового террора, отраженная в дневнике писателя. Как отмечают историки, «речь идет о массовых репрессиях – безумии не просто повальном, но исторически predetermined, идейно запрограммированном диктаторской сущностью антинародного режима»¹⁰⁵. Описанные К.И. Чуковским события образуют общий сюжет с сохраненным принципом мозаичности. Автор часто прибегает к использованию диалогов, с помощью которых ему удастся зафиксировать реакции собеседников, а также ярко продемонстрировать разнообразие собственных мыслей.

Так, например, небольшой диалог, который отразил в своем дневнике К.И. Чуковский 9 октября 1933 года, стал сильным выразительным приемом в описании страшных событий тех лет: «Пошел в «Молодую Гвардию». – Можно видеть Розенко? – «Какого Розенко?» – Заведующего! – «Никакого Розенко у нас нет». Даже забыли, что у них был такой заведующий. – А как пройти к Ацаркину? – Ацаркина тоже нет. Вычищен из партии и уволен. – Ладно. Покажите мне, где комната Свердловой. – Свердловой Клавдии Тимофеевны? Она уже здесь не работает. – Кто же работает? Шабад работает? – Нет, Шабад не работает»¹⁰⁶. Данное обстоятельство потрясло писателя. Не трудно догадаться, что за каждой названной фамилией была трагедия и сломленная судьба. Важным является тот факт, что К.И. Чуковский наблюдает за этими событиями как бы со стороны, и от этого вынужденного безмолвия писателя веет драматичностью. К.И. Чуковский пытался понять советскую реальность, найти с ней точки соприкосновения, однако все разрушалось под действием нарастающего чувства страха, что дневник может попасть в чужие руки. Эти обстоятельства способствовали формированию понимания, что выжить можно только благодаря тому, если

¹⁰⁵ Шумилов М.И. История России. Конец XIX начало XX века. – Ростов н/Д., 2005. – С. 52 – 53.

¹⁰⁶ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 74.

удалось спрятать свое лицо, даже если от самого себя. Это не могло не отразиться на структуре дневника К.И. Чуковского.

Важно заметить, что дневниковые записи К.И. Чуковского по своему тону близко совпадают с дневником Л. Гинзбург (1932 год): «Сейчас литератору невозможно жить здоровой практической жизнью. Можно опуститься. Опускаться соблазнительно и легко. Как заснуть после горького и трудного дня... Но если не опускаться – остается подниматься. Ликвидировать суету. Жестко воспитывать себя для медленной, молчаливой работы. Работы без сроков сдачи рукописи в печать»¹⁰⁷.

Основные принципы дневниковых записей К.И. Чуковского – фрагментарность и мозаичность, а также увеличение прерывности дневникового повествования писателя усложняются «графической структурой текста»¹⁰⁸.

Записи в дневнике с 1933 по 1939 – е гг. характеризуются «умолчаниями, пробелами, вырезанными строками и вырванными страницами»¹⁰⁹. Если провести статистику дневниковых записей К.И. Чуковского в хронологической последовательности, то можно обнаружить некую тенденцию в уменьшении количества и объема записей каждые два года.

Так, О.Б. Боброва приводит в своем исследовании следующую статистику: 1932 год – 43 записи; 1933 год – 25 записей; 1934 год – 37 записей; 1935 год – 17 записей; 1936 год – 29 записей; 1937 год – 16 записей (при этом, автор отмечает, что эти записи небольшие по объему и содержанию); 1938 год – записи отсутствуют вовсе; 1939 год – 5 записей (снова весьма небольших по объему)¹¹⁰.

¹⁰⁷ Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. (Главы из книги) // URL: <http://www.srcc.msu.ru/uni-persona/ginsburg.htm> (Дата обращения: 28.12.2016)

¹⁰⁸ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил. н. – Волгоград, 2007. – С. 131.

¹⁰⁹ Там же. – С. 132.

¹¹⁰ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил. н. – Волгоград, 2007. – С. 131.

По своему содержательному наполнению данные записи характеризуются описанием бытовых подробностей, литературных планов, встреч с литераторами. Заметим, что писатель не упоминает о репрессиях, гонениях, доносах.

Исследование причин отсутствия или небольшого количества дневниковых записей К.И. Чуковского в этот период (середина и конец 1930-х гг.) заставляют обратиться к не менее важному историческому документу – дневника Вс. Иванова (1941-1945 гг.)¹¹¹. В своем дневнике Вс. Иванов оставил запись, которая представляет собой интерес в рамках обозначенной проблемы: «Появился Чуковский, бледный от двойного испуга: попал в арык и боялся потерять «Чукоккалу». Затем, болтая, сказал Надежде Алексеевне:

- А я из-за Вас пострадал. Услышал, одна знакомая сказала, «что у Корнея Ивановича в дневнике что-то есть. Он пишет. Он злой» это говорилось у нас в присутствии Ягоды. Я увез дневники в ...и прятал их вдоль Днепра. А у меня в дневниках нет политики. Я только об искусстве. У меня нет ни за, ни против Советской власти» (18 июня 1941 года)¹¹².

Данная запись подтверждает факт того, что дневниковые записи К.И. Чуковского, а также его рукописный журнал «Чукоккала» попали под подозрение советской власти (по крайней мере до 1938 года – периода правления Г.Г. Ягоды). Именно поэтому автору пришлось прекратить записи и скрыть свои архивы. Во всем этом проступал всеобъемлющий страх, чувство приближающейся опасности, которое было свойственно для миллионов советских граждан.

В 1931 году вышла в свет пьеса А. Афиногенова «Страх». Один из персонажей пьесы, профессор Бородин, так характеризовал жизнь общества: «80%...живут под вечным страхом окрика или потери социальной

¹¹¹ Иванов Вс. Дневники 1924 май 1941. Дневники 1941 июнь – 1945. Дневники 1946 – 1963 // URL: <http://www.srcc.msu.ru/uni-persona/ivanov.htm> (Дата обращения: 18.12.2016)

¹¹² Там же.

опоры...Мы живем в эпоху великого страха»¹¹³. К.И. Чуковский ощущал страх за близких ему людей, что заставляло его следовать главному правилу 1930-х годов – умолчать, «сделать вид, что не заметил», «пройти стороной» мимо того, о чем нельзя было говорить. Можно предположить, что испытывал К.И. Чуковский, который был не только грамотным и разбирающимся в исторической действительности писателем, но и еще чутким и эмоциональным человеком. Насколько было мучительно для него это раздвоение. Все это придает еще большую трагичность событиям того времени.

Очевидной становится мысль о том, что «исторический контекст», содержащийся в организации дневниковых записей К.И. Чуковского присутствует и в то время, когда писатель совсем перестает фиксировать свои записи. Речь идет о 1937 и 1938 годах, как одном из самых трагичных периодов в жизни К.И. Чуковского. «6 августа 1937 года в Киеве, по дороге из Ленинграда в Кисловодск, на квартире у родителей был арестован М.П.Бронштейн, муж дочери писателя Лидии, зять Чуковского, физик-теоретик. Сразу после этого в квартире Л.К. Чуковской в присутствии К.И. Чуковского произошел обыск, конфискация имущества, опечатывание дверей»¹¹⁴. К.И. Чуковский из-за вынужденной осторожности и сдержанности лишь кратко намекает в своей записи от 29 августа 1937 года о случившемся: «Лидина трагедия»¹¹⁵. В этой фразе отражены печаль, отчаяние и безнадежность писателя, оказавшегося рядом с дочерью в момент ее трагедии.

Повествование К.И. Чуковского обрывается на записи, сделанной писателем 13 ноября 1937 года, следующий 1938 год писатель пропускает и не ведет никаких записей. Этот период из биографии писателя позволяет

¹¹³ Цит. по: Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил. н. – Волгоград, 2007. – С. 133.

¹¹⁴ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил. н. – Волгоград, 2007. – С. 134.

¹¹⁵ Чуковский К.И. Дневник. 1901-1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 141.

восполнить переписка К.И. Чуковского с его дочерью Лидией¹¹⁶, а также ее дневник¹¹⁷. Важно отметить, что жанр письма является одной из разновидностей дневникового жанра и согласуется с основными его функциональными принципами. Следовательно, данную форму документальности вполне можно характеризовать как «логическое продолжение невысказанного в дневнике»¹¹⁸.

Важной характеристикой писем К.И. Чуковского с дочерью в течение 1938 года является заимствованная из его дневниковых записей фрагментарная и мозаичная организация повествования: свои мысли относительно каких-либо значимых событий они передают намеками и недомолвками. В своем письме к отцу 27 февраля 1938 года Л.К. Чуковская пишет: «Только что узнала, что Мити в Ленинграде уже нет. Деньги вчера получила. Спасибо. От тебя телеграммы нет...»¹¹⁹. Арест и события, связанные с его последствиями, излагаются в переписке двух близких людей с особой осторожностью. Интересен тот факт, что в своих мемуарах Л.К. Чуковская (книга «Записки об Анне Ахматовой») приводит описание этих событий во всей художественной полноте с недостающими подробностями: «...Февраль 1938. Деревянное окошко на Шпалерной, куда я, согнувшись в три погибели, сказала: «Бронштейн, Матвей Петрович» и протянула деньги, - ответило мне сверху густым голосом: «Выбыл!», и человек, чье лицо помещалось на недоступной для посетителя высоте, локтем и животом отодвинуло мою руку с деньгами...»¹²⁰.

Из всей переписки в последующий период становится понятным, что Л.К. Чуковская беспокоилась о муже еще несколько лет, пока ей не стало

¹¹⁶ Чуковский К.И. Переписка: 1912 – 1969. – М., 2004. – С. 32.

¹¹⁷ Чуковская Л.К. Памяти детства. Воспоминания о Корнее Чуковском. – СПб., 2001. – С. 13.

¹¹⁸ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил. н. – Волгоград, 2007. – С. 135.

¹¹⁹ Чуковская Л.К. Памяти детства. Воспоминания о Корнее Чуковском. – СПб., 2001. – С. 80.

¹²⁰ Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. 1938 – 1941 /Л.К. Чуковская. – М., 1997. – С. 67.

известно о его гибели. В своем дневнике (12 декабря 1939 года) К.И. Чуковский кратко отразил свое отношение к данному событию: «Сегодня я написал Лиде о Матвее Петровиче»¹²¹. О том, что пришлось прочувствовать писателю в связи с утратой зятя и исполненным долгом отца: сообщить дочери о смерти ее мужа, повествуется в «Записках об Анне Ахматовой». Благодаря этим записям стало известно, что К.И. Чуковский долго хлопотал перед тем, как попасть на прием к Председателю Военной коллегии Верховного Суда СССР В.В. Ульриху и тот сообщил ему о гибели зятя. После этого, К.И. Чуковский передал из Москвы в Ленинград записку для дочери, в которой было сказано следующее: «...Мне больно писать тебе об этом, но я теперь узнал наверняка, что Матвея Петровича нет в живых. Значит, хлопотать уже не о чем. У меня дрожат руки, и больше ничего я писать не могу»¹²². Важно отметить, что имя Бронштейна было официально восстановлено лишь в 1989 году, в год издания книги Г.Е. Горелик и В.Я. Френкеля «Матвей Петрович Бронштейн»¹²³.

Дневниковые записи начала 1940-х годов по структуре напоминают фрагментарность и мозаичность повествования конца 1930-х годов. К особенностям дневника этого периода относится и «повествовательный ритм»¹²⁴, который сохраняется на протяжении периода с 1940 по 1944 годы и характеризуется своей нерегулярностью и немногочисленностью. Объяснить это можно тем, что этот трагический период (1937-1939 годы) сильно сказался на К.И. Чуковском.

Вместе с тем, еще одной причиной частых «умолчаний» писателя, на наш взгляд, выступает желание защитить свои сокровенные записи от вероятного вмешательства со стороны властей. Находясь под влиянием

¹²¹ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 45.

¹²² Чуковский К.И. Переписка: 1912 – 1969 / К.И. Чуковский, Л.К. Чуковская. – М., 2004. – С. 94.

¹²³ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил. н. – Волгоград, 2007. – С. 137.

¹²⁴ Там же.

тоталитарного режима правильнее всего было оставаться безмолвным. Несмотря на это, дневниковые записи К.И. Чуковского, сделанные им в рассматриваемый период (1940-е годы), отражают отдельные факты о трагических судьбах его современников, которые невольно стали жертвами политических репрессий. Фрагментарность и мозаичность записей писателя не помешали его дневнику стать очевидцем, и, в тоже время, документом, зафиксировавшим трагедии, случившиеся в судьбах писательницы Т.А.Богданович и знаменитой поэтессы А.А. Ахматовой.

К.И. Чуковский не случайно с особым участием относился к судьбе Т.А.Богданович (она была супругой знаменитого публициста, журналиста, литературоведа А.И. Богдановича). Писателя объединяла с ней не только литературная нива, но и практически родственная связь (Лидия – дочь К.И. Чуковского была крестницей писательницы). Именно поэтому страшной болью для всего их окружения и для них самих стало известие об аресте Шуры – старшей дочери Т.А. Богданович, который случился в конце 1930-х гг. в Харькове, спустя какое-то время после ареста ее мужа. Данные события не могли не отразиться в дневниковых записях К.И. Чуковского. Так, 27 апреля 1940 года писатель записал: «Был у меня сегодня утром Е.В. Тарле – приезжал сговариваться, как хлопотать о Шурочке Богданович»¹²⁵. Эта лаконичная запись, которую автор, как будто сделал очень быстро, доказывает участие К.И. Чуковского и академика Е.В. Тарле в деле А. Богданович. Однако им обоим было не известно в 1940-м году о ее гибели в тюрьме еще во время следствия.

Еще один факт трагической судьбы содержится в дневниковой записи писателя 26 августа 1940 года, когда К.И. Чуковский встретился с А.А. Ахматовой, с целью получения информации о судьбе ее сына Л.Н. Гумилева. Из этого разговора становится известно о заступничестве писателя Фадеева и его попытках освободить Льва из тюрьмы: «...мне нужно повидаться с

¹²⁵ Чуковский К.И. Дневник. 1901-1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 91.

Фадеевым...он обещал звонить по телефону о Левушке – и сейчас пойду за результатом». Я пошел проводить ее, она очень волновалась по дороге...»¹²⁶. Далее в дневнике ничего не говорится о том, удалось ли Фадееву помочь сыну А.А. Ахматовой. Однако в мемуарном наследии Л.К. Чуковской засвидетельствован факт помощи Фадеева А.А. Ахматовой: «Анна Андреевна рассказала, что была в Переделкине у наших...Ее поразило и, конечно, обрадовало, что Фадеев принял ее очень любезно и сразу сделал все от него зависящее»¹²⁷.

Таким образом, фрагментарность и мозаичность как основополагающие принципы дневниковых записей К.И. Чуковского, позволяющие местами включить в повествование «опасные» сведения, говорят о том, что писателю были присущи чувства чести, гражданского мужества, благородства и духовной независимости.

2.3. Война на страницах дневника

В годы Великой Отечественной Войны организация дневниковых записей К.И. Чуковского подчинена «приемам хроникального повествования»¹²⁸, позволяющим представить изложенные факты в виде «покадровой разбивки»¹²⁹. Такая манера повествования полностью подчиняется мыслительной динамике писателя, которому удастся сконцентрировать свое внимание на наиболее значимых событиях.

Хроникальный событийный ряд в дневнике К.И. Чуковского в военные годы представляет собой отличающиеся по объему записи, повествующие о развитии военных действий, личные переживания писателя в результате бедствий, принесенных войной. В 1941 году К.И. Чуковский вместе с

¹²⁶ Чуковский К.И. Дневник. 1901-1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 91.

¹²⁷ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил. н. – Волгоград, 2007. – С. 137.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

другими писателями был эвакуирован в Ташкент, о чем свидетельствует сделанная им запись 19 октября 1941 года: «...Я помещен в списке тех литераторов, которые должны эвакуироваться с правительством...»¹³⁰. Сделанные по пути в Ташкент записи свидетельствуют о горестях и лишениях, принесенных войной: «По дороге мы почти нигде не видали убранного хлеба. Хлеб гниет в скирдах на тысячеверстном пространстве. Кое-где, правда, есть на станциях кучи зерна, - просо, пшеница, ничем не прикрытые. На них сыплется копоть, пыль...Изредка на станциях появляется кое-какая еда: блины из картошки – по рублю штука, верблюжье молоко, простокваша. На эту еду набрасываются сотни пассажиров, давя друг друга, давя торговков, - обезумевшие от голода» (19 октября 1941 года)¹³¹. Важно отметить, что построение этих записей основывается на принципе перемещения внимания писателя с одного факта на другой. Становится очевидным: информация меняется в результате перемещения в «тысячеверстном пространстве»¹³².

Все дневниковые записи К.И. Чуковского (19 октября 1941 года, 24 октября 1941 года, 1 апреля 1942 года и др.) пронизаны чувством одиночества и растерянности: «Эти дни для меня страшные. Не знаю, где Боба. 90 процентов вероятия, что он убит. Где Коля? Что будет с Лидой? Как спасется от голода и холода Марина (жена сына К.И. Чуковского Николая)? Это мои четыре раны...» (19 октября 1941 год)¹³³. Мотивом следующей записи, сделанной К.И. Чуковским 24 октября 1941 года, также выступают тоска и одиночество: «Я весь больной. У меня грипп,... - и тоска по Бобе – и полная неустроенность жизни – и одиночество»¹³⁴. Эпитеты, которые употребляет в записях дневниковед усиливают впечатление от пережитого писателем времени: «страшные», «весь больной», «раны», «неустроенность

¹³⁰ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 112.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

¹³³ Там же. – С. 115.

¹³⁴ Там же.

жизни», «одинокчество».

Дневниковые записи, сделанные К.И. Чуковским в последующие дни (21 октября, 24 октября 1941 года) содержат описания положения солдат на фронте, а также детей во время войны: «Мы уже в Азии. Третьего дня на одной из станции Чкаловской (Оренбургской) области мы видели польское войско. Выползали из разных вагонов худые, но импозантные люди в тощих шинелишках, театрально козыряя друг другу... Расшитые серебром картузы и шинели были некогда очень эффектны, теперь все это истрепалось до лохмотьев – и все же сохраняет важный вид...»¹³⁵ (21 октября 1941 года); «...Самое здесь странное, неожиданное это: смеющиеся дети. Всю дорогу от Москвы до Ташкента я видел плачущих, тоскующих детей со стариковскими лицами, похуделых, осиротелых, брошенных, и вдруг здесь – на каждом бульваре, в каждом дворе копошатся, дерутся, барахтаются беспечные вполне нормальные дети...Школьники торопятся в школу – зрелище, которого я не видел в этом году в Москве. Показалось странным, что в СССР еще есть места, где дети учатся» (24 октября 1941 года)»¹³⁶. В этой записи ярко продемонстрировано пристальное внимание писателя к детям, детству, детскому одиночеству. Следует отметить, что К.И. Чуковский за время пребывания в Ташкенте очень много времени уделял детям, заботился о них: он принял активное участие в Республиканской Комиссии по устройству эвакуированных детей в начале ноября 1941 года, вычитал лекционный курс, посвященный детским поэтам в Педагогическом институте, начал публиковаться в журнале «Правда Востока», а также много выступал на подмостках театров и школ.

Обратим внимание на тот факт, что буквально за два месяца с декабря 1941 по январь 1942 года К.И. Чуковский тридцать три раза выступал в клубах и школах. В комментариях к дневнику писателя 1930-1969 годов Е.Ц.Чуковская отмечает, что «все выступления писателя были им

¹³⁵ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 115.

¹³⁶ Там же.

зафиксированы в дневнике – перечислены даты, названия клубов и школ, темы выступлений»¹³⁷. Однако издатели не стали помещать эти списки в публикацию, не придав им должного значения.

Доказательством плодотворного вклада К.И. Чуковского в борьбу советского народа во время Великой Отечественной Войны становится его эпистолярное наследие и воспоминания о деятельности писателя в 1941-1942 годы его дочери Л.К. Чуковской¹³⁸. Так, в своих «Воспоминаниях» она отмечает: «множество добрых дел, не прекращая ни на один день углубленной творческой работы, успевал сделать этот удивительный человек. Тут позаботиться о ребенке, потерявшем родителей, там выхлопотать пособие вдове погибшего на войне или просто умершего незнакомца, устроить эвакуированному какую-нибудь работу или обыкновенный кров над головой...»¹³⁹.

Из письма, написанного писателем С.Я. Маршаку 1 марта 1942 года становятся понятными его творческие замыслы в эти годы: «Выходит здесь моя книжка «Дети и война»...прочтите там главу «Узбекистан и дети» - о том, как приютили здесь 85000 эвакуированных детей. В этом деле советская гражданственность выдержала труднейший экзамен. Почти каждый день я читаю здесь лекции, выступаю в детдомах... - эта работа захватила меня целиком»¹⁴⁰. В своем письме К.И. Чуковский отмечает высокую гражданскую сплоченность советского народа во время войны, а также говорит о чувствах патриотизма и гражданского долга перед родным Отечеством.

Все эти записи позволяют говорить о личном вкладе писателя в общее дело народа, об удивительной способности русского человека приходить на помощь, оказывать поддержку даже незнакомым людям, о чувстве

¹³⁷ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 119.

¹³⁸ Чуковский К.И. Переписка: 1912 – 1969. – М., 2004. – С. 89.

¹³⁹ Чуковская Л.К. Памяти детства: Воспоминания о Корнее Чуковском. – М., 1989. – С. 79.

¹⁴⁰ Вопросы литературы. – 1972. – № 1. – С. 172.

«коллективного» в протест всему «индивидуальному». Одним словом, война всех людей сделала в какой-то степени родными и близкими. Примером этому может послужить запись К.И. Чуковского, сделанная им 29 октября 1941 года: «Аптекарьша сказала обо мне одному из пациентов поликлиники Когану, Иосифу Афанасьевичу. Коган узнал от нее, что я в гостинице живу без керосина. И – сегодня рано утром является пожилой худощавый человек с перевязанным глазом и приносит мне в подарок – жестянку керосина!! Эта доброта так взволновала меня – после той злобы, которую я видел в пути, - что я посвятил ему след экспромт:

Я мнил, что в мире не осталось
 Ни сострадания, ни любви,
 Что человеческая жалость
 Давно затоплена в крови
 И боже, как я был растроган,
 Когда, как гений доброты,
 Мой светлый друг, мой милый Коган,
 Передо мной явился ты»¹⁴¹.

В этих поэтических строках К.И. Чуковский сумел средствами метафоры «затопленной в крови» «человеческой жалости» передать всю трагичность пережитых писателем и всеми советскими людьми страшных военных лет.

Дневниковым записям писателя с 1941 по 1945 годы, также как и записям предыдущих лет, свойственен фрагментарный и мозаичный характер повествования. Для большего эмоционального эффекта К.И. Чуковский вводит в текст дневника стихотворения, написанные им самим, либо заимствованные, которые образуют необъемные, но содержательные по смыслу сюжеты.

¹⁴¹ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 45.

В отличие от записи, сделанной писателем 29 октября 1941 года, в записи 9 мая 1945 года К.И. Чуковский внутри своего дневникового жанра использует фольклорный жанр – частушки военно-патриотического содержания, с помощью которых передает свое отношение к происходящим событиям. Частушки служат способом передачи радости народа от победы в войне, мужество и гражданский долг наших русских солдат¹⁴²:

Скоро кончится война,
Скоро Гитлеру капут,
Скоро временные жены
Как коровы заревут.

Вот и кончилась война,
Как бы нам не прозевать,
По 20-му талону
Будут мальчиков давать.

Ах, ты, Гитлер косоглазый,
Тебе будет за грехи.
На том свете девки спросят:
А где наши женихи?

Светит месяц высоко,
Не достанешь палочкой!
Через Гитлера косого
Не походишь парочкой.

Скоро кончится война,
Мы вернемся к жонушкам,
А погоны и ремни
Оставим ухажорочкам.

Как под городом Орловым
Шли жестокие бои,
Чернобровые мальчишечки
Лежали все в крови.

Как отмечает О.Б. Боброва, основополагающими принципами графической организации повествования у К.И. Чуковского в период с 1941 по 1945 годы являются: «использование стихотворного текста, новеллистичность построения, прием разорванного повествования – фрагментарность, хроникальное повествование»¹⁴³.

Структура дневниковых записей К.И. Чуковского начиная с 1945 года основывается на реалиях исторического времени, являющееся в данном контексте фоном, основной задачей которого выступает организация внутреннего пространства и внедрение действий. «Историческое время под пером автора дневника создается разными приемами, центральным среди

¹⁴² Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 45.

¹⁴³ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил. н. – Волгоград, 2007. – С. 142.

которых является проспекция»¹⁴⁴. Начиная со второй половины 1946 года большое внимание в своих дневниковых записях К.И. Чуковский уделяет трагическим судьбам писателей, он описывает их жизненные истории, так похожие на его.

Подводя итоги, отметим, что трагедия военных лет (1941-1945 гг.), отразившаяся в дневниковых записях К.И. Чуковского, является своеобразным историческим фоном повседневной жизни писателя. Война воспринималась писателем как неизбежное событие, которое он и все советские люди вынуждены были пережить. Отдельные записи К.И. Чуковского свидетельствуют о его личных лишениях и переживаниях в эти страшные военные годы (1 апреля 1942 год): «Подарки у меня ко дню рождения такие. Боба пропал без вести. Последнее письмо от него – от 4 октября прошлого года из-под Вязьмы. Коля – в Л-де. С поврежденной ногой, на самом опасном фронте. Коля – стал бездомным: его квартиру разбомбили. У меня, очевидно, сгорела в Переделкине вся моя дача – со всей библиотекой, к-рую я собирал всю жизнь... Живу в комнате, где, кроме двух гео-карт, нет ничего. Сломанный умывальник, расшатанная кровать, на подоконнике книги – рвань случайная – вот и все – и тоска по детям»¹⁴⁵. 26 января 1943 года К.И. Чуковский вернулся из Ташкента с женой в Москву.

2.4. Материальные условия жизни писателей

В последние годы культура повседневности становится одним из самых востребованных научных направлений, позволяющих реконструировать повседневную жизнь советского человека, а вместе с ним переосмыслить наше прошлое, в частности советскую эпоху. Благодаря многочисленным сохранившимся архивным документам, дневниковому и эпистолярному наследию советских писателей становится возможным воссоздание быта,

¹⁴⁴ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил. н. – Волгоград, 2007. – С. 137.

¹⁴⁵ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 67.

труда, радостей и горестей людей, живших в то непростое время. В частности, для освещения проблемы материальных условий жизни советских писателей в рассматриваемый период (с 1930 – по 1953 годы) важное значение, помимо дневниковых записей самого К.И. Чуковского, оказала книга В.А. Антипиной «Повседневная жизнь советских писателей. 1930-1950-е годы»¹⁴⁶. При создании одной из фундаментальных работ на сегодняшний день по данной проблематике, автору удалось, учитывая мнения различных исследователей отечественной истории, констатировать, что «никакой режим, включая сталинский, не мог существовать в социальном вакууме. Сталинская политика не только опиралась на определенные социальные группы, но и формировалась под их воздействием, в том числе и под влиянием интеллигенции»¹⁴⁷.

Анализ повседневной жизни советских писателей в работе В.А.Антипиной выстраивается, главным образом, на основе описания жизненной практики членов Союза советских писателей (ССП), представлявших собой в то время определенную социально-профессиональную группу в виду специфики своей литературной деятельности. Важно заметить, что писатели, входившие в ССП имели ряд привилегий и пользовались многочисленными льготами наряду с обычными писателями, которые не являлись членами ССП. Так, К.И. Чуковский был удостоен права войти в правление Союза писателей только в последние годы жизни, когда одновременно стал лауреатом Ленинской премии и был награжден орденом Ленина и тремя орденами Трудового Красного Знамени.

В 1930 году К.И. Чуковский был вынужден жить в санатории в Алушке из-за болезни его дочери Муры, однако приехав 2 декабря 1930 года в Питер по работе, К.И. Чуковский посетил Лидию Филипповну Слепцову в «Доме ученых», в убежище для престарелых. Его поразили материальные условия, в которых она проживала: «Советская власть к этим «престарелым» относится

¹⁴⁶ Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930 – 1950-е годы. – М., 2005. – С. 42.

¹⁴⁷ Там же. – С. 6.

отлично: каждая престарелая имеет хороший стол, отдельную комнату, пользуется всеми домашними услугами – и вообще живет, что называется, барыней»¹⁴⁸.

Дневниковые записи, сделанные К.И. Чуковским в 1931-м году, подтверждают тот факт, что это время стало периодом серьезных изменений в повседневной жизни советских писателей: «Похоже, что в Москве всех писателей повысили в чине. Все завели себе стильные квартиры, обзавелись шубами, любовницами, полюбили сытую жирную жизнь. В Проезде Худ. Театра против здания этого театра выстроили особняк для писателей»¹⁴⁹ (24 ноября 1931 год). Для сравнения приведем запись, сделанную писателем немного раньше 22 ноября 1931 года, когда К.И. Чуковский с женой приехали в Москву и решили навестить Шатуновских: «Я приезжаю к Дому Правительства, ее нет. Ждать холодно, пальто у меня летнее, перчаток нет, я сажусь на чемодан, прямо на панели, на мосту – и вглядываюсь, вглядываюсь в прохожих. Ее нет. Тоска. Вот я – старик, так тяжело проработавший всю жизнь, сижу, без теплой одежды, на мосту, и все плюют и плюют мне в лицо, а вдали висится домина – неприступно-враждебный, и Мурочки нет – я испытал свирепое чувство тоски»¹⁵⁰. Далее писатель делится своими впечатлениями от визитов к Шатуновским и Кольцовым: «Шатуновские поразили меня великолепием своей жизни, по сравнению с нашей алушкинской. Мебель изящнейшая, горячая вода день и ночь, комфортабельные диваны, лифт, высокие комнаты. Сказано: Дом Правительства. У них я почувствовал себя даже слишком уютно. Спал днем – принял ванну. Оказалось, что 22 ноября все просветительско-издательские учреждения отдыхают, и потому я не мог дозвониться ни в «Academia», ни в ГИХЛ, ни в «Молодую Гвардию»»¹⁵¹; «Роскошь, в к-рой живет Кольцов, -

¹⁴⁸ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 49.

¹⁴⁹ Там же. – С. 31.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же.

после Алупки ошеломила меня. На столе десятки закусок. Четыре больших комнаты. Есть даже высшее достижение комфорта, почти недостижимое в Москве: приятная пустота в кабинете. Всего пять-шесть вещей, хотя хватило бы места для тридцати»¹⁵².

Приведенные дневниковые записи К.И. Чуковского свидетельствуют о том, что в 1930-е годы сложился некий жизненный уклад «среднестатистического советского писателя». Условия его повседневного существования были неизмеримо лучше жизни многих других категорий населения страны и даже некоторых профессиональных групп художественной интеллигенции, к примеру художников, композиторов или обычных писателей, к которым относился сам Корней Иванович.

Тяжелое материальное положение, в котором находилось большинство советских писателей описано К.И. Чуковским многократно в его дневнике. Так, например, дневниковая запись, сделанная им 25 ноября 1931 года: «...богатые становятся все богаче, а бедные все беднее. – Шубы у меня нету по-прежнему, а идут холода. Был я у Корнелия Зелинского. Живет он в том же доме, где Сейфуллина. Очень мил и джентльменист, но, очевидно, живет в «тесноте»: при мне его теща принесла ему открытку от Литфонда с требованием уплатить в трехдневный срок 500 рублей – с угрозой, если он не уплатит, конфисковать его имущество и пропечатать его имя в «Литгазете»¹⁵³. Или запись, сделанная К.И. Чуковским 28 ноября 1931 года: «Вчера начались морозы. 17 градусов. А у меня легкое летнее пальтишко, фуражечка, рваные калоши и никаких перчаток. Побежал в Торгсин – куда там! Сегодня мороз с ветром – не меньше 20°. Мы с Фектей (*Фектя – домработница Шатуновских*) зашили калошу, она немедленно порвалась в другом месте...»¹⁵⁴.

¹⁵² Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 31.

¹⁵³ Там же. – С. 32.

¹⁵⁴ Там же.

Важно заметить, что в этот период в советском обществе стали возникать писательские организации, призванные решать задачи обустройства труда и быта советских писателей. В результате был сформирован новый социальный статус писателей. Советская власть вовремя смогла оценить идеологический потенциал писательского труда и предоставила писателям привилегии, которые во многом определили специфику их повседневной жизни по сравнению с представителями других профессиональных групп: «...Был ...у Пильняка. За городом. Первое впечатление: страшно богато, и стильно, и сытно, и независимо. Он стал менее раздерган, более сдержан и тих. Очень крепкий, хозяйственный немец-колониист. Сегодня заедет за мной на своей машине – к Кольцову и возьмет меня обедать»¹⁵⁵ (25 ноября 1931 года).

Материальные трудности сопровождали К.И. Чуковского и в последующие годы, о чем свидетельствуют дневниковые записи, сделанные им на протяжении 1932-1933 годов: ««Academia» до сих пор не заплатила. «Молодая Гвардия» тоже. Просто хоть помирай. У банков стоят очереди, даже в Сберкассах выдают деньги с величайшим трудом. Марусе нужно ехать в Одессу»¹⁵⁶ (14 октября 1932 года); «Я в своем стареньком пальто, в рваных и разнокалиберных калошах, хриплый и с дрожащими ногами вышел в петербургский ноябрь: вот-вот упаду; еле-еле добрал до Камерной музыки, сел у печки, возле Ирины и Уструговой – двух старушек, сопряженных со мною в концерте; меня на сцене встретили тепло, но я читал в три или четыре раза хуже обычного и еле дождался второго сеанса, еле добрал до дому – и вот до сих пор не могу очнуться: болит голова, весь разбит, никакой работы делать не могу – на 2 недели выбит из седла. О!о!о!» (20 ноября 1932 года)¹⁵⁷; 22 декабря 1932 года: «Ездил на это время в Москву с Ильиным и Маршаком на пленум ВЛКСМ. В Кремле. Нет перчаток, рваное пальто, разные калоши,

¹⁵⁵ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 51.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же.

унижение и боль. Бессонница. Моя дикая речь в защиту сказки. Старость моя и обида»¹⁵⁸.

Деятельность Союза советских писателей, Литфонда и других организаций, созданных во благо писателям, далеко не всегда была эффективна, о чем свидетельствовали многочисленные попытки их реформирования уже в первые годы существования. Так, ССП во многом был ориентирован не столько на решение творческих и социальных проблем писателей, сколько на сохранение собственных бюрократических структур и источников финансирования. Деятельность ССП и Литфонда во многом была схожа, что породило параллелизм в работе этих организаций и привело к тому, что писатели обращались в Союз писателей по вопросам, формально находившимся в ведении Литфонда. Они пытались использовать ССП и Литфонд как некую кормушку, не безосновательно полагая, что эти организации были созданы для решения их материальных и бытовых проблем.

Именно поэтому большинство писем, поступавших в ССП содержат просьбы оказать материальную помощь. Безусловно, были случаи, когда за этими просьбами стояли подлинные страдания и безысходность. Например, уже находясь в ссылке, в самом конце 1936 года О. Мандельштам писал Н. Тихонову: «...Я тяжело болен, заброшен всеми и нищ... Добейтесь... скромной организованной советской поддержки. Имейте в виду, что служить я не могу, потому что стал не в шутку инвалидом. Не могу также переводить, потому что очень ослабел и даже забота над своим стихом, которую я не могу отложить, стоит мне многих припадков»¹⁵⁹. Однако, были и письма, авторы которых свои претензии на материальную помощь обосновывали весьма интересным образом. Так, к примеру М. Шпанов передал

¹⁵⁸ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 51.

¹⁵⁹ Цит. По: Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930 – 1950-е годы. – М., 2005. – С. 18.

М. Шолохову рукопись первого тома своего романа, сопроводив ее просьбой выделить 10 тысяч рублей аванса на окончание работы¹⁶⁰.

Значительное количество писем свидетельствует о том, что многие, даже состоявшиеся, писатели не могли обеспечить себя литературным трудом и просили предоставить работу литературного характера – редактора, консультанта, рецензента. В этом смысле К.И. Чуковский не был исключением, в дневнике запись от 28 ноября 1932 года свидетельствует о том, с каким трудом приходилось зарабатывать писателю на пропитание: «...Опять я в «Молодую Гвардию», опять в ГИХЛ, мой заколдованный круг. Бегаю по этому кругу, я вспомнил, что такова моя проклятая судьба бегать за копейкой по издательствам, что я не вижу ни картинных галерей, ни театров, ни любимых людей, п. ч. бегаю по делам, по конторам – для свидания с Ионовым, с Соловьевым, с Цванкиным. Вечером я побежал к Ионову. ...Ионова не было. Но вот он вошел, очень заиндевелый, мы присели к столу и сразу порешили: он покупает у меня четыре книги для экспорта и дает мне авансом 500 рублей. (Это меня очень обрадовало. Скорее уеду в Питер. Мне нужно готовить второй том Слепцова и исправлять «Солнечную». Это загрузка серьезная. И мне ли роптать на бога, если деньги у меня на этот месяц есть. Только бы Халатов помог мне добыть себе пальто зимнее)»¹⁶¹.

Часто письма содержали просьбы оказать помощь в решении различных вопросов организационного характера. Как правило это были обращения, касающиеся выдачи справок, разрешений, ходатайств и других бумаг, являющихся неотъемлемой частью бюрократической машины советского общества. Так, К.И. Чуковскому не раз приходилось обращаться с подобными просьбами: «...Очень много хлопот у меня с Тыняновым. Он отправил Ел. Ал. с Инночкой за границу, и нет никаких способов доставить им валюту на обратный отъезд в СССР. По его поручению я должен был

¹⁶⁰ Цит. по: Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930 – 1950-е годы. – М., 2005. – С. 18.

¹⁶¹ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 67.

говорить с Халатовым, - просить, главным образом, билетов из Берлина на Ленинград. Халатов согласился сделать все возможное...»¹⁶² (2 марта 1932 года). В военные годы письма содержали больше просьб помочь эвакуироваться или переехать в какой-либо крупный город, что вполне объяснимо.

Говоря о доходах писателей, не стоит забывать, что были трудности с определением их реальных размеров и о том, что доходы эти, конечно, сильно разнились: «Пойду сегодня опять хлопотать о гонораре из «Лит. Газеты». О, как надоело мне это мыканье по редакционным передням, которому не видно конца. ...Казалось бы, ну много ли нам нужно: ведь всего два человека. А между тем оба работаем каторжно, и вот уже 3-й месяц не могу положить в Сберкассу 300 рублей, и продал книги, и весь в долгах»¹⁶³ (4 марта 1932 год). Важно заметить, что гонорарная политика государства была не всегда справедлива по отношению к литераторам и не имела четкой концепции оплаты писательского труда. Отсюда – постоянные реформы налогообложения, которые не только не решали самых острых проблем, но и порождали новые. Кроме того, отметим, что далеко не всех советских литераторов можно причислить к людям «свободных профессий», так как более половины из них имели постоянное место работы, занимаясь другими видами деятельности.

Материальное положение литераторов к концу тридцатых – началу сороковых годов несколько улучшилось. Но многие из них не могли жить только за счет гонораров и были вынуждены заниматься различной подработкой. В одних случаях она носила литературный характер (подготовка статей и очерков для прессы, литературная обработка, редактирование), в других – была связана с преподавательской, научной и иной деятельностью.

Большое влияние на стереотипы поведения писателей, в частности, на

¹⁶² Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 69.

¹⁶³ Там же.

выбор способа улучшить свое материальное положение, оказала практика дореволюционного времени и периода нэпа (например, литературные выступления). Но появились и новые возможности, которые, в частности, открывало участие в написании «Истории фабрик и заводов» и других подобных проектах. Во время своего пребывания в августе 1933 года в Ялте К.И. Чуковский сделал следующую запись: «В Ялте обошел книжные магазины, куда Союзпечать доставляет из Москвы такие книги: «О выполнении плана по тяжелой промышленности» - Проф. Петров. - «Злокачественные опухоли» - «Атлас по паровым турбинам» - «Проблемы Китая» - «Road machines» - «Перестройка местного бюджета», а о Крыме нет ни одной книжки. Вся эта литература лежит мертвым грузом на полках, а обыватель, поглядев на нее, идет и покупает ракушки. Очень много также книг, напечатанных по-татарски. Но татары их едва ли читают — и продавщица в киоске говорила мне, что в конце концов разрывает эти книги на фунтики — и в таком виде продает покупателям, к-рые идут за виноградом»¹⁶⁴. Таким образом, литераторы в этот период не изобрели каких-либо новых моделей поведения, а лишь использовали то, что предлагала им власть, и опыт предыдущего периода.

Иждивенческие настроения некоторых литераторов проявились в их отношении к так называемому литературному браку. Они не только оправдывали его, но и считали, что брак этот необходимо оплачивать. Так, 17 июня 1932 года К.И. Чуковский сделал следующую запись в своем дневнике: «...Есть тут очень любопытные люди из ученых — раньше всего Шейнин...автор книг о лесном хозяйстве. Одну из этих книг он дал мне на прочтение: «Лесное хозяйство и задачи Советов». М. 1931, изд. «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, и я поразился ее вопиющей безграмотностью. «Искусственное лесонасаждение», «аграрные помещики», незнание элементарнейших правил грамматики и шаблоннейшее изложение.

¹⁶⁴ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 27.

Нет ни одной строки, которая не являлась бы штампом, ни одной своей мысли, ни одного своего эпитета. Автор больше всего боится самостоятельно думать, он пережевывает чужое, газетное – и в то же время его книга свежа, интересна, нужна – потому что тема ее так колоссальна. Нынче именно потому-то в упадке литература, что нет никакого спроса на самобытность, изобретательность, словесную прелесть, яркость. Ценят только штампы, требуют только штампов, для каждого явления жизни даны готовые формулы; но эти штампы и формулы так великолепны, что их повторение никому не надоедает»¹⁶⁵.

Одной из наиболее важных материальных проблем писателей, впрочем, как и у большинства советских людей, была жилищная проблема. Ее пытались разрешить Союз писателей и Литфонд создавая в Москве и Ленинграде места компактного проживания писателей. Однако, чаще всего новое жилье доставалось не самым талантливым писателям, угодным власти. «В целом, жилищные условия литераторов в эти годы все же улучшались. Многие писатели смогли перебраться из коммуналок в отдельные квартиры, уменьшилось число тех, кто вовсе не имел собственного жилья. Однако до полного решения «квартирного вопроса» было еще далеко. Фактический размер предоставляемой писателям жилой площади и качество построенного жилья оставляли желать много лучшего»¹⁶⁶.

Важной характеристикой морального облика писателей выступало их отношение к материальным и бытовым вопросам. Некоторые из писателей воспринимали улучшенные бытовые условия неременным условием для творческой деятельности, для других это не имело никакого значения. В свое время Н. Мандельштам вспоминала о взглядах мужа на эту проблему: «Он не признавал жалоб на внешние обстоятельства – неустроенный быт, квартиру, недостаток денег, - которые мешают работать. По его глубокому убеждению,

¹⁶⁵ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 21.

¹⁶⁶ Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930 – 1950-е годы. – М., 2005. – С. 59.

ничто не может помешать художнику сделать то, что он должен, и обратно – благополучие не служит стимулом к работе...Проклятие квартире – не проповедь бездомности, а ужас перед той платой, которую за нее требовали. Даром у нас ничего не давали – ни дач, ни квартир, ни денег...»¹⁶⁷.

В свою очередь, отдельные личности считали унижительным для себя просить о каких-либо материальных благах. Среди таких был Н. Островский. Его близкий друг Н. Новиков писал в 1933 году: «Твое отношение к бытовым вопросам просто нетерпимо и граничит с помешательством на принципах»¹⁶⁸.

Нередко материальное и бытовое благосостояние писателя напрямую зависело от близких отношений с каком-либо высшем чиновником. Так, Н. Мандельштам признавалась: «Всеми просветами в жизни О.М. обязан Бухарину... Путешествие в Армению, квартира, пайки, договора на последующие издания, не осуществленные, но хотя бы оплаченные, что очень существенно, так как О.М. брали измором, не допуская ни к какой работе, все это дело рук Бухарина. Его последний дар – переезд из Чердыни в Воронеж»¹⁶⁹.

В конце 1930-х годов отношение к материальным ценностям со стороны многих писателей стало меняться. Аскетические условия жизни стали не модны. Так, из воспоминаний одной современницы о вечере в Клубе писателей в начале 1938 года: «Спускаемся в царство шуб енотовых, обезьяньих, оленьих, на рыбьем меху, бесконечные ботики и кашне, кашне и ботики. Ольга Ивановна (*жена писателя Л. Соболева*) в длинном серебристом платье из тафты. На грудь ее падает легкий светлый камень.

- Мама мне сказала, что эту слезку можно надеть – никто не подумает в наше время, что это настоящий камень, - говорит она мне мельком.

Странно, думаю я, законспирированный бриллиант? Зачем?..

¹⁶⁷ Цит. по: Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930 – 1950-е годы. – М., 2005. – С. 18.

¹⁶⁸ Цит. по: Там же.

¹⁶⁹ Цит. по: Там же. – С. 19.

Встречи наши окрашены конституцией, выборами в Советы. Волна заседаний охватила и писательский дом, и дом композиторов... В правлении Союза писателей и писательского дома появились новые люди... в них чувствовалось... стремление к комфорту, все как-то лихорадочно обзаводились машинами, дачами. Идет раздел писательских дач, Соболев срочно кончает курсы шоферов – и все это делается с какой-то лихорадочной поспешностью. Поэт Кирсанов делается каким-то метрдотелем писательского дома, заговорили о кухне, в воздухе носились разговоры о блестящей кухне, гаражах, судорожно искали бензин... и как-то на моих глазах появляются черты хищнического, люди охвачены азартом. Начинается какая-то трамвайная давка с отдавливанием ног...»¹⁷⁰.

Бесспорным признаком принадлежности к привилегированному слою писателей в те годы являлось наличие дачи. Некоторые из писателей переехали в собственные дачи в поселке Переделкино, где они ценили не только материально-бытовые условия, но и царившую в них атмосферу, наличие особого круга общения. К тому же компактное проживание представителей одного социального слоя давало возможность почувствовать некую элитарность, принадлежность к избранной группе людей. Заметим, что К.И. Чуковскому довелось «арендовать» дачу в Переделкино только в 1950-х годах.

Еще одной проблемой для большинства писателей было их значительное физическое и эмоциональное перенапряжение, связанное со спецификой творческой деятельности, и постоянным давлением внешних обстоятельств (нехватка средств, постоянная борьба с властью) Все это крайне неблагоприятно сказывалось на состоянии здоровья писателей. В своих дневниковых записях К.И. Чуковский не раз упоминает о своем плохом самочувствии, вызванном как правило, отсутствием возможности приобрести себе теплые вещи, приобрести качественные лекарства. Часто

¹⁷⁰ Цит. по: Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930 – 1950-е годы. – М., 2005. – С. 29.

отрицательное воздействие оказывали на писателей «малоподвижный образ жизни, неправильный режим дня, злоупотребление курением и алкоголем»¹⁷¹. Не случайно многие из литераторов страдали хроническими заболеваниями и нуждались в медицинском и санаторно-курортном лечении. Важно отметить, что Союз писателей и Литфонд оказывали довольно эффективную медицинскую помощь писателям, например, они получали качественное лечение в санаториях и профилакториях курортов Крыма и Краснодарского края.

Вместе с тем, как отмечает В.А. Антипина, «в довоенный период так и не были должным образом решены проблемы пенсионного обеспечения писателей: зачастую они получали крошечную пенсию, не имели денежного обеспечения в случаях потери трудоспособности»¹⁷². Однако, благодаря юридическому отделу Литфонда, а также активной деятельности Союза писателей в данном направлении, значительная помощь по повышению персональных пенсий и пособий оказывалась своим членам и их родственникам.

Важную роль в жизнедеятельности писателей сыграло создание системы писательских домов творчества и отдыха. Зачастую качество их строительства и оборудования, уровень комфорта далеко не всегда отвечали запросам писателей. Писатели стремились получить на отдыхе условия для продолжения их творческой работы, а на практике их требования удовлетворялись не в полной мере, следствием чего становились многочисленные претензии с их стороны. Кроме того, несмотря на существенные скидки и льготы, для большинства писателей такие путевки были слишком дорогими, уровень обслуживания в домах отдыха и санаториях оставлял желать лучшего. Следует заметить, что каждый желающий писатель из Москвы и Ленинграда мог получить путевку в дом

¹⁷¹ Цит. по: Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930 – 1950-е годы. – М., 2005. – С. 29.

¹⁷² Цит. по: Там же. – С. 34.

отдыха или санаторий, однако при этом право выбора лучшего из них или комфортабельного номера имел только узкий круг избранных.

Большую роль в повседневной жизни писателей играли их жены. Они пытались улучшить бытовые условия, создать особые условия для творчества писателей как в рамках ведения домашнего хозяйства и оказания помощи супругам в редактировании и перепечатке их произведений, так и с помощью движения общественниц. Значение помощи жен писателей очевидно, оно признавалось и самими писателями. Однако по ряду причин их общественная активность не нашла большой поддержки в писательской среде. На письма общественниц обратили внимание лишь тогда, когда их герои стали обвиняться в политических грехах. Результаты известны: «В. Киршон пострадал за связь с Г. Ягодой. П. Васильев (вместе с членами литературной группы «Сибиряки» Н. Ановым, Е. Забелиным, С. Марковым, П. Мартыновым и П. Черноморцевым) в 1932 году обвинялся по делу «Сибирской бригады» и, хотя через несколько месяцев был освобожден за отсутствием состава преступления, в дальнейшем ему все припомнили. И. Шухову инкриминировали связь с правотроцкистской группой»¹⁷³.

Таким образом, в рассматриваемый период государство играло особую роль в жизни советского общества. Отношения власти с писателями строились на взаимовыгодных условиях: с помощью творчества писателей власть пропагандировала свои идеологические установки, взамен писатели пользовались необходимыми льготами и привилегиями. В своем роде постоянно шел процесс заключения особых договоров между государством и профессиональной группой писателей. В этом процессе можно увидеть многообразные способы приспособления советских писателей к социальным условиям, в которых они вынуждены были жить, а также о возможной цене сделки с властью.

¹⁷³ Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930 – 1950-е годы. – М., 2005. – С. 35.

Глава 3. Литературная жизнь страны и творчество К.И Чуковского в его дневниках

3.1 Отношение к Союзу писателей и его руководству

Как уже было отмечено ранее (параграф 2.4.), в 1934 году партия создала Союз писателей СССР – организацию профессиональных писателей СССР. В 1934 году в состав ССП СССР входило 1500 членов. В обмен на «правильную» позицию писателям было гарантировано прекрасное по тем временам содержание – пособия, квартиры, отдых в санаториях, одежда. Так, в Уставе Союза писателей (в редакции 1934 года) сказано: «Союз советских писателей ставит генеральной целью создание произведений высокого художественного значения, насыщенных героической борьбой международного пролетариата, пафосом победы социализма, отражающих великую мудрость и героизм коммунистической партии. Союз советских писателей ставит своей целью создание художественных произведений, достойных великой эпохи социализма». К.И. Чуковский стал членом Союза писателей СССР и РСФСР в последние годы жизни.

Важно отметить, что ССП имело довольно сложную структуру: в его состав входил ряд структурных подразделений, которыми являлись региональные писательские организации со структурой, идентичной центральной организации. Кроме того, подведомственными ССП СССР были печатные органы, такие как: «Литературная газета», ряд журналов: «Новый мир», «Вопросы литературы», «Детская литература» и др. При правлении СП СССР действовал Литературный фонд, региональные писательские организации также имели свои литфонды.

В дневнике К.И. Чуковского представлены записи, которые подтверждают сложную ситуацию в руководстве региональных печатных организаций и издательств, в которые ему приходилось обращаться по факту издания своих работ. Так, запись, сделанная К.И. Чуковским 24 февраля 1932 года, совпадает со временем, когда руководителем ССП был М. Горький:

«Сейчас происходит суд над Ионовым в ЦК. Ионов не признает двух ставленников Горького: Тихонова и Виноградова. Первого он считает лодырем, бездельником, второго прохвостом. «Тихонов числится в «Академии» редактором, но ни разу даже не явился на службу, приходит только за жалованием, а второй сдал Ионову для напечатания такие неряшливые рукописи, которые Ионов считает сплошной халтурой. Горький (председатель редколлегии «Academia») написал Ионову, что он не желает работать вместе с ним, требует, чтобы Ионов сию же минуту ушел и т.д.». Каковы результаты суда – неизвестно»¹⁷⁴.

О том, что в руководстве региональных организаций, входящих в состав ССП постоянно происходила борьба за власть свидетельствует другая запись, сделанная К.И. Чуковским 2 марта 1932 года: «С Лядовой мы пошли к Виноградову, и он шепотом сообщил мне, что Ионов из «Academia» уходит, снят, равно как и Ежов – за сопротивление Горькому. Виноградов торжествует. Кто будет вместо Иопова, неизвестно. Мне Иопова очень жалко. Он сумасброд, но он никогда не был интриганом, он всегда все говорит людям в лицо, он страстно любит книгу, хотя, может быть, и не всегда умеет отличить хорошую от плохой...Я много воевал с Ионовым во времена «Всем. Литературы» - из-за Тихопова. Но этот человек странным образом сделал мне много добра: ему принадлежит инициатива издать в ленинградском Совдепе «Крокодила», он поручил мне редактуру Некрасова, и пр., и пр., и пр. И просто как человек он мне мил»¹⁷⁵; «...Вчера в прихожей Халатова – торжествующие Виноградов и Тихонов. Они победили: Ионов, по их желанию и по настоянию Горького, смещен. С 1-го апреля Ионов уже не стоит во главе «Academia». Теперь спешно ищут ему заместителя...» (3

¹⁷⁴ Чуковский К.И. Дневник. 1901-1969: В 2 т. – М.? 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 66.

¹⁷⁵ Там же.

апреля 1932 года)¹⁷⁶; «Халатов пал. На его место назначен как будто бы Томский. ...» (5 апреля 1932 года)¹⁷⁷.

«Красной нитью» сквозь все дневниковые записи К.И. Чуковского просматривается его отношение к работе издательств, их бюрократизму и частому невыполнению своих обещаний: «Пойду сегодня опять хлопотать о гонораре из «Лит. Газеты». О, как надоело мне это мыканье по редакционным передням, которому не видно конца...» (4 марта 1932 года)¹⁷⁸; «Впервые по-настоящему познакомился с Москвой, окончательно возненавидел моск. «Мол. Гвардию» и вообще всю бюрократич. чепуху ОГИЗа...» (5 апреля 1932 года)¹⁷⁹; «...Любопытно наблюдать теперь жизнь «Литературной газеты». Теперь ее руководители стремятся сделать ее наилиберальнейшей: заказывают статьи о Зощенке, об О. Мандельштаме, о моем «Крокодиле». Но позиция ее трагически беспочвенна. Рапповщина рвется из всех щелей. Вчера к Фельдману, одному из руководителей газеты, пришла Журбина и предложила ряд статей против Шкловского: «надо изобличить его реакционность. Он протаскивает контрабандой формализм». Если молодая писательница – теперь, когда партия предоставила нам «дышать на три четверти груди», - сама по своей воле, после свержения раппа, лезет в бой с разбитым формализмом, - значит, рапповщины не выкуришь никакими декретами» (21 августа 1933 года)¹⁸⁰.

Важно отметить, что во многих дневниковых записях К.И. Чуковского содержатся переживания писателя о судьбе детской литературы: «Бумага Горького – Маршака (вчера мне дали ее прочитать) о детской литературе робка – и об ошибочной литературной политике говорит вскользь. О сказке

¹⁷⁶ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 68.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же. – С. 71.

¹⁸⁰ Там же.

вообще не говорит полным голосом, а только о «развитии фантазии»¹⁸¹. В дневнике также отражены возмущения писателя относительно назначения на руководящие должности людей некомпетентных в делах детской литературы: «Вчера у Халатова. Он читал газету – и вдруг вскрикнул: «Ну уж это никуда не годится». В «Правде» опубликовано постановление ЦК ВКП(б) (от 15/IX) «Об изд-ве детской литературы». Постановление явилось сюрпризом для Х-ова, представителя Горьковской партии. Горький, Маршак, Халатов были уверены, что Детгиз будет в Ленинграде, что Заведующим Детгизом будет Алексинский, что Детгизу будет предоставлена собственная типография. Все эти планы, как и предсказывала Лядова во время моего свидания с нею в Москве (2/VIII), потерпели крушение» (18 сентября 1933 года)¹⁸². Далее следует запись: «Но Лядова на месте. Лядова у власти. Она – Зам. Зав. Детиздата. Пошел я к ней. Упоена победой и утверждает, что ее положение прочнейшее. А между тем – Горький и Маршак против нее, Смирнов с нею на ножах, в детской книге она ничего не понимает, работать не умеет. Ни одной из купленных у меня книг она не двинула. ... «Робинзон» маринуется уже около года. Книга моих «Сказок» (сборник) даже не вышла из цензуры – в течение 4 месяцев не могут добиться, где она застряла. Умеет она склочничать, интриговать, подставлять ножку, действовать за кулисами. Говорят, что к ней благоволит Каганович. Несмотря на то, что Горький, Маршак, Желдин хлопотали об устройстве Детиздата в Ленинграде, - она отстояла Москву, она выжила Шабадиху, она завоевала себе Замзавство, она ничего не читает, детей не видит, а только бегаёт по заседаниям, по партийным организациям – и проводит подспудом свою линию. Я видел ее в «Пионерской Правде». Ей принесли грушу, угостили ее папиросами, каждый проходящий по коридору здоровался с ней – видно, что она тут своя. На минутку видел в ОГИЗе Смирнова – седой и деятельный, но, говорят,

¹⁸¹ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 45.

¹⁸² Там же.

сумасшедший»¹⁸³; «В этом, увы, мне пришлось убедиться сегодня. Я пришел к Лядовой в «Мол. Гв.» - туда уже переехал из ОГИЗа Смирнов. Держится он помпезно и в то же время чрезвычайно приветливо. «Корней Ив., вас-то мне и надо!» Назовите мне десять лучших детских книг, которые мы могли бы сейчас же издать. Я стал говорить и вдруг увидел, что он записывает мои слова не в блокнот, а просто на бумажку, которая валяется тут на столе – записал и оставил бумажку среди прочего мусора. Это я заметил и во время его разговоров с другими писателями: очень ретиво слушает вас, словно каждое ваше слово для него откровение, и записывает всё очень старательно – но записей не хранит и тотчас же о них забывает. Соглашается со всем, что вы ему говорите, - и берет на себя колоссальные обязательства, о которых тоже тотчас же забывает. Увидев рисунки Конашевича, которые тот приготовил для Академического издания моей книги сказок, - сказал: эту книгу издадим мы – немедленно – со всеми рисунками. «Но красочные рисунки по 18 красок», - сказал Конашевич. «Это дело станется на 3 года». – Мы издадим на роскошной бумаге к 1-му января. Будет готово. «К 1-му января?!» - Да! сказал он и посмотрел на нас победоносно. Мы вообще издадим на роскошной бумаге целую серию замечательных книг. И он стал развивать немыслимые планы» (19 октября 1933 года)¹⁸⁴. В январе 1934 года Смирнов был смещен, о чем свидетельствует запись, сделанная К.И. Чуковским: «...Был вчера у Алянского. Оказывается, Смирнов смещен. Как, при каких обстоятельствах, не знаю»¹⁸⁵.

Из дневника К.И. Чуковского становится понятным, что в руководстве ССП и его структурных подразделениях, расположенных в различных российских регионах и столичных городах таких как: Москва и Санкт-Петербург, постоянно происходила так называемая «текучка власти», а также возникали казусные ситуации, свидетельствующие о полной неразберихе в

¹⁸³ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 91.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же.

руководящих кругах: «... Поехал я в Детиздат. «Кому здесь бить морду оттого, что ни одна из моих книг не выходит?» Все в один голос сказали: Смирнову. Я пошел к этому лунатику. – А, К. И., ну как ваши выступления? – Дело не в моих выступлениях, а в ваших преступлениях: как вы смели задержать печатание «Робинзона» и называть эту книгу безграмотной? Как вы смеее мариновать мои «Сказки»? Как вы смеее скрывать от детей «Остров Сокровищ»?

- Ничего этого нет! – сказал Смирнов. – Кто это наклеветал на меня? – Я забыл...

- Об этом говорят все... вы называли мою книгу безграмотной...

- Никогда... вот смотрите, она в производстве... Дайте мне все ваши сказки... я их мигом напечатаю... И кто из моего аппарата мог наклеветать на меня?

Потом я увидел Лядову, которая сообщила мне, что будто бы 19/XI прошлого года она заявила в ЦК, что Смирнов сумасшедший, что он занимается прожектерством, а книг не издает и т.д. Смирнова будто бы вызвали в ЦК и велели ему в месячный срок поставить издательство на ноги. Прошел месяц, См. ничего не сделал – ЦК постановил его снять. Но приказа о его увольнении не подписали из-за Московской конференции – времени не было – поэтому См. пользуется отсутствием приказа и делает вид, как будто он на службе. Из рассказов Лядовой я понял, что и ее сняли, т.к. она говорит, что подала в отставку и хочет уйти – Не желаю, надоело! – говорит она» (20 января 1934 года)¹⁸⁶.

Деятельность ССП СССР была напрямую связана с политической обстановкой в стране и чутко реагировала на все замечания со стороны власти.

Из ряда документальных источников становится очевидным, что у большинства советских писателей отношения с руководством ССП СССР

¹⁸⁶ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 65.

складывались неоднозначно. В этом отношении не было исключением и К.И.Чуковский, которому постоянно приходилось испытывать на себе давление со стороны власти: «...В фельетоне, к-рый я дал «Правде» - «Искусство перевода», - содержатся похвалы издательству «Academia». Их велено убрать. Теперь хвалить «Академию» нельзя – там был Каменев. Между тем накануне ареста Каменева в «Правде» должна была пойти его статейка, рецензия на какие-то мемуары. Она уже была набрана. Сейчас Эфрос рассказал мне, что «Academia» ищет заместителя Каменеву. Были по этому поводу у Горького – главным образом для того, чтобы отвести кандидатуры Лебедева-Полянского и других. Горький обещал противиться этим кандидатурам. Выдвигают какого-то Манцева, служащего в Наркомфине» (29 декабря 1935 года)¹⁸⁷.

Из информации наркома государственной безопасности СССР В.Н.Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о политических настроениях и высказываниях писателей (31 октября 1944 года) становится очевидным отношение К.И. Чуковского к положению советской литературы: «Писатель Чуковский К.И. по поводу своей сказки «Одолеем Бармалея» заявил, что еще год тому назад президиум Союза советских писателей дал хорошую оценку книге, потому что это – настоящее произведение детской литературы, и ему непонятно резкое изменение отношения к ней...Положение в советской литературе Чуковский определяет с враждебных позиций: «...В литературе хотят навести порядок. В ЦК прямо признаются, что им ясно положение во всех областях жизни, кроме литературы. Нас, писателей, хотят заставить нести службу, как и всех остальных людей. Для этого назначен тупой и ограниченный человек, фельдфебель Поликарпов. Он и будет наводить порядок, взыскивать, ругать и т.д. Тихонов будет чисто декоративной фигурой...В журналах и издательствах царят пустота и мрак. Ни одна рукопись не может быть

¹⁸⁷ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 68.

принята самостоятельно. Все идет на утверждение в ЦК, и поэтому редакции превратились в мертвые, чисто регистрационные инстанции. Происходит страшнейшая централизация литературы, ее приспособление к задачам советской империи». «В демократических странах, опирающихся на свободную волю народа, естественно, свободно расцветают искусства. Меня не удивляет то, что сейчас произошло со мной. Что такое деспотизм? Это воля одного человека, передоверенная приближенным. Одному из приближенных я не понравился. Я живу в антидемократической стране, в стране деспотизма и поэтому должен быть готовым ко всему, что несет деспотия». «По причинам, о которых я уже говорил, т.е. в условиях деспотической власти, русская литература заглохла и почти погибла. Минувший праздник Чехова, в котором я, неожиданно для себя, принимал самое активное участие, красноречиво показал, какая пропасть лежит между литературой досоветской и литературой наших дней. Тогда художник работал во всю меру своего таланта, теперь он работает, насилуя и унижая свой талант. Зависимость теперешней печати привела к молчанию талантов и визгу приспособленцев – позору нашей литературной деятельности перед лицом всего цивилизованного мира. ...Всею душой желаю гибели Гитлера и крушения его бредовых идей. С падением нацистской деспотии мир демократии встанет лицом к лицу с советской деспотией. Будем ждать»¹⁸⁸.

«Узнав о том, что в журнале «Новый мир» не пойдут его «Воспоминания о Репине», Чуковский возмущенно заявил: «Я испытываю садистическое удовольствие, слушая, как редакции изворачиваются передо мной, сообщая, почему не идут мои статьи. За последнее время мне вернули в разных местах 11 принятых, набранных или уже заверстанных статей. Это – коллекция, которую я буду хранить. Когда будет хорошая погода, коллекция

¹⁸⁸ Из информации наркома государственной безопасности СССР В.Н. Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о политических настроениях и высказываниях писателей (31 октября 1944 года) // Родина. – 1992. – № 1. – С. 92.

эта пригодится как живой памятник изощренной травли... Писатель Корней Чуковский под бойкотом... Всюду ложь, издевательство и гнусность»¹⁸⁹.

31 марта 1944 г. в газете «Правда» была опубликована статья П.Ф.Юдина «Пошлая и вредная стряпня К. Чуковского» с резко негативной оценкой сказки К.И. Чуковского. Поводом для статьи явился донос в ЦК ВКП(б) от художника П.В. Васильева, автора картины «Ленин и Сталин в Разливе». Как сообщает Е.Ц. Чуковская, «Васильев жил в Москве в том же доме, что и Чуковский, – в соседнем подъезде. Незадолго до своего доноса Васильев зашел к Чуковскому по-соседски, на столе лежала газета с репродукцией этой картины. Корней Иванович сказал: «Что это вы рисуете рядом с Лениным Сталина, когда всем известно, что в Разливе Ленин скрывался у Зиновьева». Васильев пошел прямо в ЦК и сообщил об этом разговоре. Корнея Ивановича вызвал Щербаков, топал ногами, матерился, через несколько дней и появился разнос в «Правде»¹⁹⁰.

Не менее значимым историческим событием в этом отношении, отмеченным в дневниковых записях К.И. Чуковского, явилось следующее: в 1946 году 14 августа было опубликовано Постановление ЦК и Постановление секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова с единым названием «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Поводом для данных постановлений послужило заявление И.В. Сталина, о котором отметил в своем дневнике К.И. Чуковский: «Сталин выразил свое неодобрение издающимися в СССР журналами и потребовал, чтобы они повысили свое качество. ЦК ВЛКСМ решило рассмотреть все журналы и каждому сделать свои предложения» (25 июня 1946 года)¹⁹¹. В результате «предложения» А.А. Жданова повлекли за собой целую серию запретов на публикации произведений многих писателей – А.Ахматовой, М. Зощенко, В. Гроссмана, Б. Пастернака. Нами уже было

¹⁸⁹ Из информации наркома государственной безопасности СССР В.Н. Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о политических настроениях и высказываниях писателей (31 октября 1944 года) // Родина. – 1992. – № 1. – С. 93.

¹⁹⁰ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 487.

¹⁹¹ Там же.

отмечено, что в период (август-сентябрь 1946 года) в дневнике К.И. Чуковского содержатся записи, посвященные, в основном, судьбам его коллег-литераторов, чьи жизни были очень схожи с жизнью самого дневниковеда.

В дневнике К.И. Чуковского последовательно представлены события тех лет. Постановлением ЦК ВКП (б) от 14 августа 1946 года были исключены из Союза писателей М. Зощенко и А. Ахматова. К.И. Чуковский так отреагировал на эти события в своем дневнике: «Зощенко и Ахматова исключены из Союза писателей» (5 сентября 1946 года). «Постановление» явилось причиной запрета на пьесу Вас. Гроссмана «Если верить пифагорейцам», об этом факте К.И. Чуковский сделал запись в своем дневнике 5 сентября 1946 года: «В «Правде» вчера изничтожают Василия Гроссмана» (в статье литературоведа В. Ермилова «Вредная пьеса» произведение В. Гроссмана названо «ублюдочным» («Правда, 4 сентября, 1946 года)). Спустя пять дней в дневнике писателя появится запись о судьбе Б. Пастернака (10 сентября 1946 года): «...в «Правде» напечатана резолюция Президиума ССП, где Пастернака объявляют «безыдейным, далеким от советской действительности автором»»¹⁹². Следует обратить внимание на такой факт, что К.И. Чуковский в своем дневнике никак не отреагировал на данное событие, он не прокомментировал его и не высказал своего отношения, несмотря на то, что все вышеуказанные люди были его коллегами, друзьями. Возможно, такую позицию писатель был вынужден занять по причине того, что имя К.И. Чуковского тоже было упомянуто в том самом Постановлении от 14 августа 1946 года.

Еще в 1945 году К.И. Чуковским была написана и опубликована детская сказка «Приключения Бибигона». Как известно литература является зеркалом общественных и политических событий, следовательно, сказка для детей К.И. Чуковского «Приключения Бибигона» стала неудобной в

¹⁹² Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 41.

результате недовольства И.В. Сталина, высказанного им в адрес современной литературы, «Постановления» А.А. Жданова, а также усиленной регламентации идеологического содержания художественных произведений. После того, как сказка была напечатана в нескольких номерах журнала «Мурзилка», на седьмом номере ее запретили, а на К.И. Чуковского через две недели после публикации «Постановления» начались преследования.

Дневниковое наследие К.И. Чуковского становится единственным документальным источником, повествующим о событиях, связанных с судьбой детской сказки. Вместе с тем, в своих письмах К.И. Чуковский чаще всего недоговаривает, умалчивает об этих событиях. К примеру, в письме к Л.К. Чуковской (первая половина октября) писатель лаконично выразил свое положение «снова тучи надо мной».

29 августа 1946 года в газете «Правда» появилась статья С. Крушинского «Серьезные недостатки детских журналов» - «ругательный фельетон о моем «Бибигоне» (29 августа 1946 года): «Нельзя допускать, - заявил Крушинский, - чтобы под видом сказки в детские журналы досужие составители тащили явный бред...Дурная проза чередуется с дурными стихами... этой сказке...есть только уродливое...»¹⁹³. Своей дневниковой записью от 12 ноября 1946 года К.И. Чуковский как бы отвечает на эту статью: «... «Бибигона» оборвали на самом интересном месте...Главное, покуда зло торжествует, сказка печатается. Но там, где начинается развязка, - ее не дали детям, утаили, лишили детей того нравственного удовлетворения, которое дает им победа добра над злом»¹⁹⁴. Однако этот ответ К.И. Чуковского не получил официальной огласки, он так и остался только на страницах дневника писателя. В результате сказка К.И. Чуковского «Приключения Бибигона» была исключена надолго из печати и вышла в свет отдельным изданием только через десять лет в 1956 году.

¹⁹³ Чуковский, К.И. Борьба с «Чуковщиной» / Собрание сочинений в 15-ти т. Т.2. М., 2009. С. 601.

¹⁹⁴ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 71.

Однако, несмотря на постоянное противостояние между писателем и большинством руководителей издательств, действующих в интересах политической власти, можно отметить тот факт, что К.И. Чуковский находился в дружеских отношениях с некоторыми руководителями ССП. Так, в сложный для писателя период гонений, за него вступился руководитель ССП А. Фадеев, которому пришлось, чтобы занять позицию К.И. Чуковского, рисковать своим именем и репутацией. Важным документальным источником, подтверждающим данное обстоятельство, явилось эпистолярное наследие самого А. Фадеева¹⁹⁵. К примеру, 23 октября 1946 года в своем письме К.И.Чуковскому он написал следующее: «...Я успел написать два подробных письма о Вашей работе с просьбой взять отрывки (речь идет о будущей книге К.И. Чуковского о Некрасове) – Симонову в «Новый мир» и Панферову в «Октябрь». Прошу Вас с ними созвониться...Что же касается «Литературной газеты», то я персонально договорился с Сурковым...и прошу Вас это дело реализовать». Далее в своем письме к Симонову А. Фадеев написал: «У К.И.Чуковского есть очень хорошая работа о Некрасове...Написано это необыкновенно просто, талантливо и очень убедительно» (23 октября 1946 года).

К.И. Чуковский оставил свой отзыв в дневнике на эти события: «Фадеев ведет себя по отношению ко мне изумительно. Выслушав фрагменты моей будущей книги (о Некрасове), он написал 4 письма...и...большое письмо о том, что пора прекратить травлю против меня...» (12 ноября 1946 года)¹⁹⁶. В результате письма А. Фадеева сыграли важную роль и статьи К.И. Чуковского были опубликованы: статья «О Некрасове: К 125-летию со дня рождения» в «Новом мире», № 12 и статья «Неизвестные стихи», опубликованная 30 ноября 1946 года в юбилейном номере «Литературной газеты» к 125-летию со дня рождения Н.А. Некрасова.

¹⁹⁵ Фадеев А. Материалы и исследования. – М., 1977. С. 194, 195, 250.

¹⁹⁶ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 82.

Результатом пережитых К.И. Чуковским личных обид и переживаний по поводу детской литературы, которой он посвятил большую часть своей профессиональной деятельности, становится то, что писатель последующие шесть лет практически не ведет дневник. Данный факт легко можно подтвердить статистическими данными дневниковых записей за этот период времени. Так, с 1947 года по 1952 год К.И. Чуковским в его дневнике было сделано следующее количество: в 1947 году – 8 записей, 1948 году – 3 записи, 1949 году – 9 записей, 1950 году – 8 записей, 1951 году – 9 записей, 1952 году – 3 записи. Основой организационной структуры дневниковых записей этих лет выступает психологическое состояние писателя, передающее весь драматизм переживаний К.И. Чуковского относительно его неприятия современной ему действительности. Все чаще в дневнике этих лет можно увидеть лейтмотив смерти, сопровождающийся авторскими эпитетами: «жертвенность», «нищета», «обездоленность», «неприкаянность»: «Боже, как опостылела мне эта скорбная, безысходная жизнь»; «тянет писать детскую сказку, но ...меня сковывает воспоминание о судьбе «Бибигона»» (16 июня 1949)¹⁹⁷; «...черт знает, куда себя приткнуть. Скорее бы дожить! – или умереть!» (15 октября 1949 года)¹⁹⁸; «Мне 68 лет сегодня. Ощущение жертвы, которую тянут веревками на виселицу» (1 апреля 1950 года)¹⁹⁹; «На старости лет я оказался нищим, у меня нет ни копейки» (10 января 1950 года)²⁰⁰. Таким образом, дневниковые записи, сделанные К.И. Чуковским в период с 1947 по 1952 годы, характеризуются особенностями авторской рефлексии, которая представлена в дневнике в форме монолога – исповеди. Этот самоанализ отражает эмоциональную напряженность на грани отчаяния – трагедию личности, почти потерявшей связь с миром.

¹⁹⁷ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – С. 89.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Там же.

Подводя итоги, отметим, что в целом взаимоотношения К.И.Чуковского с руководством Союза писателей СССР были далеко неоднозначными, в виду того обстоятельства, что очень часто личное отношение писателя к власти ЦК и руководителям ССП сильно отличалось от того, каким оно должно было быть с учетом политических реалий того времени. Личная трагедия К.И.Чуковского как раз и заключалась, на наш взгляд, в том, что он не мог в силу понятных обстоятельств называть вещи своими именами. Постоянная внутренняя борьба писателя, его негодование по поводу несправедливости, процветавшей в писательских кругах того времени ярко продемонстрирована на страницах его дневника.

3.2 Взаимоотношения с коллегами

Дневниковые записи К.И. Чуковского (1901-1969 гг.) содержат огромное количество имен современников писателя, о творчестве которых нам известно из многочисленных научных трудов и монографий. Несмотря на то, что наше исследование жизни и творчества К.И. Чуковского ограничено рамками (1930-1953 гг.), нельзя не отметить тех литераторов, с которыми писатель был знаком немного раньше и чья деятельность оказала на него значительное влияние.

Обращаясь к указателю имен в дневнике К.И. Чуковского, который был составлен Л.А. Абрамовой, К.И. Лозовской, Е.Ц. Чуковской, становится очевидным то, что писатель общался не только с литераторами, но и множеством деятелей культуры и искусства. Из этого следует, что одним из направлений, интересовавших писателя, наряду с литературной деятельностью, выступает сфера искусства. Остановимся более подробно на двух представителях этой сферы – И.Е. Репине и Ф.И. Шаляпине.

Ранее уже было отмечено, что еще в молодости К.И. Чуковский был неравнодушен к живописи И. Репина, который был другом писателя свыше двадцати лет, до самой его смерти в 1930 году. Это знакомство сыграло

большую роль в жизни писателя и нашло отражение в дневниковых записях К.И. Чуковского с 1907 по 1929 год (К.И. Чуковский подробно описывает свои встречи с художником – в первом томе дневника он упоминает И.Е. Репина на 102 страницах).

Фигуру И.Е. Репина К.И. Чуковский рассматривал в системе общечеловеческих ценностей, сопоставляя с другими людьми. Основополагающими в этой системе ценностей являлись для писателя духовность и дарованные природой личные человеческие качества художника.

Записи К.И. Чуковского позволяют судить о том, что объединяло его и художника: их дружба была скреплена общими интересами в литературе и искусстве. Во время пребывания в Куоккале литературные предпочтения К.И. Чуковского были связаны, главным образом, с литературой XIX века. В образе И.Е. Репина было воплощено прошлое, связанное с творчеством многих писателей XIX века (Л.Н. Толстой, В.Г. Короленко), которых очень ценил К.И. Чуковский. Именно поэтому И.Е. Репин явился для К.И. Чуковского, своего рода, проводником в мир представителей русской литературы и искусства XIX века.

Субъективное восприятие и оценка К.И. Чуковского с неподдельной точностью передают в дневнике основные характерные черты образа художника: любовь к труду, страстное желание к живописи, острый ум, стремление к знаниям, простодушие, скромность и искренность. Писателю удалось в своем дневнике запечатлеть важную черту И.Е. Репина – «максимализм, не признающий полутонов, посредственности, принцип которого – во всем идти до конца, отдаваться без остатка чувствам, мыслям, работе, дружбе»²⁰¹.

У К.И. Чуковского всегда вызывали интерес яркие, самобытные личности, которые потом в определенный период становились объектом

²⁰¹ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил. н. – Волгоград, 2007. – С. 91.

анализа в дневнике писателя. Не стала исключением для писателя фигура знаменитого артиста Ф.И. Шаляпина, которую очень ярко представил в своем дневнике К.И. Чуковский.

К.И. Чуковский познакомился с Ф.И. Шаляпиным в доме И.Е. Репина 11 февраля 1914 года. В это время Ф.И. Шаляпин был уже знаменит благодаря своему высокому профессионализму, трудолюбию, природному дарованию и таланту, его называли «символом времени». В дневнике К.И. Чуковского есть запись, сделанная 16 февраля 1914 года, в которой он так отзывается об артисте: «Все на него как на идола...С кем заговорит, тот чувствовал себя осчастливленным...»²⁰². Для К.И. Чуковского встреча с выдающимся певцом казалась удивительной, знаковой и многообещающей, о чем свидетельствуют записи, сделанные писателем в дневнике с особым усердием художественного текста. Организационная структура этих записей характеризуется своеобразным переплетением диалога с художественным описанием по принципу: от внешнего к внутреннему. Описывая внешнее величие Ф.И.Шаляпина: «Величественно, изящно, как лорд, как Гете на картине Каульбаха...»²⁰³, К.И. Чуковскому удалось передать образ личности артиста, профессия которого наложила характерный отпечаток на манере поведения: «Тон у него не из приятных: высказывает заурядные мысли очень значительным голосом. Переигрывает»²⁰⁴; «Говорит о себе упоенно – сам любит на себя и наивно себе удивляется»²⁰⁵. Таким образом, в своем дневнике К.И. Чуковский показал достаточно правдиво личность Ф.И.Шаляпина как артиста, «с природным даром лицедея, театральностью, определившей своеобразие стиля общения с собеседником»²⁰⁶. «Привычка ежедневно ощущать на себе тысячи глаз и биноклей сделала его в жизни

²⁰² Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1: Дневник. 1901 – 1929. – С. 90.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же. – С. 93.

²⁰⁶ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил. н. – Волгоград, 2007. – С. 92.

кокетом» (10 февраля 1914 г.)²⁰⁷. В своих дневниковых записях К.И. Чуковский без восторженной интонации и преклонения перед Ф.И. Шаляпиным прочувствовал его не как артиста, а как обычного человека.

Оперируя своими личными впечатлениями, в течении многих лет, К.И.Чуковский создавал многочисленные портреты современных ему писателей.

В дневнике К.И. Чуковского повествуется о М. Горьком, А. Куприне, А.Блоке, Л. Андрееве, А. Ахматовой, В. Маяковском, А. Толстом – выдающихся литераторах первой трети XX века. Также К.И. Чуковский упоминает в своем дневнике о встречах с не менее известными писателями и поэтами, такими как: О. Чюминой, А. Ремизовым, А. Куприным, М.Арцыбашевым, М. Альбовым и др. Такое многообразие литераторов, с которыми был знаком К.И. Чуковский, подтверждает духовную близость писателя со многими представителями литературного поприща. Многие из перечисленных писателей в последствии стали предметом более пристального внимания К.И. Чуковского, и их портретное описание было позднее представлено писателем в его книге «Современники»²⁰⁸.

Образу М. Горького, представленному в дневниковых записях К.И.Чуковского, свойственны некое единство и отсутствие фрагментарности. Дневниковеду удалось создать фигуру непростого по характеру, энергичного, разносторонне развитого, экспрессивного в творческой деятельности и в общественных делах человека.

К.И. Чуковский особо выделил в М. Горьком такие черты как: трудолюбие и усердие – «Успевает делать...гигантскую работу» (2 апреля 1919 года), энциклопедические знания в литературе – «огромная и поражающая эрудиция» (18 апреля 1919 года), необыкновенная память – «Память у Горького выше всех других его умственных способностей» (4 декабря 1919 года); «он отлично помнит сотни имен, отчеств, фамилий,

²⁰⁷ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1: Дневник. 1901 – 1929. – С. 76.

²⁰⁸ Чуковский К.И. Современники. Портреты и этюды. – М., 1967. – С. 44.

названий городов, заглавий книг», готовность помочь каждому – «Горький ...весь – в «коллективной работе людей» (22 ноября 1918 года).

Писатель особым образом воспринимает стойкость духа и характер М. Горького: огромный авторитет М. Горького в литературных кругах оказывает на К.И. Чуковского некоторое давление, не позволяя ему раскрыть свой потенциал в присутствии М. Горького полностью: «Я при нем глупею, робею, говорю не то, трудно повернуть шею в его сторону – и нравится он мне очень...»²⁰⁹.

К.И. Чуковский со свойственными ему критичностью и осознанием реальности ярко передал характер М. Горького: его предпочтения: «...О чем бы он ни заговорил, он все сводит к розни деревни и города...»²¹⁰ (26 марта 1919 года); его привычки – «обычное его занятие во время волнения – отрывал от бумаги ленту и делал из нее петушков»²¹¹ (26 марта 1919 года); особенности поведения М. Горького как личности – «У Горького есть два выражения на лице: либо умиление и ласка, либо угрюмая отчужденность»²¹² (5 марта 1919 года), в редких случаях самовлюбленность – «по заказу он вызывает в себе умиление»²¹³ (24 ноября 1918 года).

Записи в дневнике о М. Горьком представляют собой особую ценность еще потому, что в них можно уловить личную трагедию писателя. М. Горький, как известно, был приближенным власти писателем, он был на хорошем счету у руководителей этой власти: «Всюду меня делают почетным», однако ему было очень сложно скрывать свои антибольшевистские настроения. В дневнике К.И. Чуковского можно встретить факты, подтверждающие, что М. Горький не всегда говорил то, что было положено ему как высоко утвержденному «основоположнику социалистического реализма»: «О большевиках он всегда говорит...как о

²⁰⁹ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1: Дневник. 1901 – 1929. – С. 78.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же.

²¹³ Там же. – С. 79.

врагах»²¹⁴ (2 апреля 1919 года). Такую специфическую двойственную позицию М. Горькому приходилось занимать в связи с тем, что с одной стороны, он был служителем того политического режима, а с другой, он его опасался. К сожалению, из дневника К.И. Чуковского становится очевидным, что речь идет о подавленном режиме М. Горьком, его судьба казалась К.И. Чуковскому трагичной.

Важно отметить, что в книгу «Современники» К.И. Чуковский не включил похожие наблюдения о М. Горьком. В ней был представлен образ писателя, который соответствовал советскому времени: повествование рассказа о М. Горьком строилось, главным образом, на его плодотворной деятельности в развитии детской литературы, человеческом отношении к литераторам, его работе в издательстве «Всемирная литература». Правдивое отношение М. Горького к большевикам было раскрыто лишь в 1988 году, во время опубликования страниц дневника К.И. Чуковского о М. Горьком.

Особо стоит выделить среди литераторов, с которыми общался К.И. Чуковский, А. Блока: «Блок создан не для популяризации знаний, а для свободного творчества, ...народу будет больше добра от одного лирич. стихотворения Блока, чем от десяти его же популярных брошюр, которые мог бы написать всякий грамотный полуталант вроде меня»²¹⁵ (20 марта 1920 года).

Писатель познакомился с А. Блоком в 1906 году, однако имя поэта стало появляться на страницах дневника К.И. Чуковского только с 1919 года, в то время К.И. Чуковский и А. Блок работали вместе в издательстве «Всемирная литература», что естественно их сблизило.

В своих записях К.И. Чуковский отзывается об А. Блоке с особой эстетической выразительностью, а портрет поэта писатель довел до совершенства: он использует для описания А. Блока различные эпитеты: «спокойно-мудрое» лицо, «лицо...величественно» (5 июля 1919 года),

²¹⁴ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1: Дневник. 1901 – 1929. – С. 79.

²¹⁵ Там же. – С. 33.

«линии отчетливы и чисты», «прекрасный», «прекрасен»; сравнения – «прекрасен, словно гравюра...германского поэта».

В своем дневнике К.И. Чуковский делает собственные выводы о личности поэта, давая ему нравственно-психологическую характеристику. Особенно показательно в этом плане восприятие писателя смерти поэта, его переживания подобны личной трагедии: «грустно до самоубийства», «страшно, что его нет» (12 августа 1921 года), ощущение приближающегося конца всей русской литературы: «С Блоком ушло какое-то очарование,...подслащающая ложь...кончилась литература русская...»). Результатом наблюдений К.И. Чуковского о поэте явилась его книга «Александр Блок как человек и поэт»²¹⁶.

Большое внимание в дневниковых записях писатель уделил образу А.Ахматовой в разные периоды ее жизни. В основном К.И. Чуковский описывал преобладающие черты личности поэтессы, в основном в совершенно различных вариациях. Впервые он упоминает о ней в дневнике (январь 1920 года), во время ее проживания в небольшой комнатке, доедавшую последний кусок хлеба, переживавшую сложное время своего творческого подъема: «какую рану представляет для нее...глупая заметка»; затем К.И. Чуковский изображает ее светской дамой с наигранным высокомерием: «ее тон светской дамы – это только щит, чтобы оставить в неприкосновенности свое, дорогое» (1921 год); и, в итоге, писатель дает описание А. Ахматовой как «...просто дочка..., девушка из мещанской семьи», «бедная женщина, раздавленная славой» (1922 год).

А. Ахматова предстает в дневнике К.И. Чуковского разной и многоликой. Именно такой она является читателю в стихах, в которых характер женщины, играющей разные социальные роли (жены, матери и т.д.) проявил себя в сложных жизненных ситуациях. Многообразные описания А.Ахматовой во все периоды сводились К. Чуковским к пониманию

²¹⁶ Чуковский К.И. Александр Блок как человек и поэт: введение в поэзию Блока. – М., 2010 – С. 119.

состояния душевного кризиса поэтессы, ее ощущения трагичности времени, глубокой тревоги, внутреннего беспокойства. Весь драматизм чувств А. Ахматовой писатель усматривает в сложном эмоциональном мире поэтессы: «...неловко быть на людях подлинной...она поневоле...принимает самые тривиальные облики»²¹⁷ (1922 год). Свои размышления о многоликом образе А. Ахматовой писатель изложил в своем очерке «Читая Ахматову: На полях ее «Поэмы без героя» (1964 год)²¹⁸.

В организации построения образа В. Маяковского (с 1913 года) К.И. Чуковский использует конструктивные приемы: описывает типичные черты поведения поэта: «Он ко мне холоден, но я его люблю» (5 мая 1921 год), его необычную внешность: «Маяковский – очень молодой, плечи ненормально широки, развязный, но не слишком...», личные качества поэта: «Он – верный и надежный человек: все его связи...остались добрыми и задушевыми...Он спокоен и уверенно прост...» (5 декабря 1920 года).

К.И. Чуковский по всей видимости привлекает в поэте его яркое воображение, тонкое интуитивное восприятие действительности, огромный талант словесных формулировок «каламбурное мышление» (5 мая 1921 год). Дневниковед особо отмечает способность В. Маяковского применять разнообразные художественные средства, остроумный подход и уникальную способность экспериментировать в своем творчестве (5 мая 1921 год). «...Жадно Маяк. впитывает в себя всякие анекдоты и каламбуры» (12 мая 1921 год). К.И. Чуковский вносил в свой дневник анекдоты, истории, которые рассказывал ему поэт: «За обедом он рассказал мне:

1. Что Лито в Москве называют Нето.
2. Что еврей, услышав в вагоне, что меняют паровоз, выскочи и спросил: на что меняют?
3. Что другой еврей хвалил какую-то даму: у нее нос в 25 каратов!

²¹⁷ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1: Дневник. 1901 – 1929. – С. 101.

²¹⁸ Чуковский К.И. Современники. Портреты и этюды. – М., 1967. – С. 87.

4. Что третий еврей увидел царя и поклонился. Царь спросил: «Откуда ты меня узнал?» «Вылитый рупь!» - отвечал еврей...» и т.д.

К.И. Чуковскому удалось раскрыть многочисленные грани таланта поэта: новизна, оригинальность, изобретательность в обращении со словом: «Но теперь бросается в глаза именно то, чего прежде никто не замечал: основательность, прочность, солидность всего, что он делает»²¹⁹.

В своей самой первой дневниковой записи второго тома (1930-1969 гг.) К.И. Чуковский искренне сожалеет о трагическом конце жизни поэта: «Маяковский застрелился. Вот и дождался счастья. Один в квартире, хожу и плачу и говорю «Милый Владимир Владимирович», и мне вспоминается тот «Маякоўский», который был мне так близок – на одну секунду, но был, - который был влюблен в дочку Шехтеля (чеховского архитектора), ходил со мною к Полякову; которому я, как дурак, «покровительствовал»; который играл в крокет, как на бильярде, с влюбленной в него Шурой Богданович; который добивался, чтобы Дорошевич позволил ему написать свой портрет и жил на мансарде высочайшего дома, и мы с ним ходили на крышу. <...> и как он влюбился в Лили, и приехал, привез мое пальто, и лечил зубы у доктора Доброго, и говорил Лили Брик «целую ваше боди и все в этом роде», и ходил на мои лекции в желтой кофте, и шел своим путем, плюя на нас, и вместо «милый Владимир Владимирович» я уже говорю, не замечая: «Берегите, сволочи, писателей», в последний раз он встретил меня в Столешник. переулке, обнял за талию, ходил по переулку, как по коридору, позвал к себе - а потом не захотел (очевидно) со мной видаться – видно, под чьим-то влиянием: я позвонил, что не могу быть у него, он обещал назначить другое число и не назначил, и как я любил его стихи, чуя в них, в глубинах, за внешним, и глубины, и лирику, и вообще большую духовную жизнь... Боже мой, не будет мне счастья – не будет передышки на минуту, казалось, что он у меня еще впереди, что вот встретимся, поговорим, «возобновим», и

²¹⁹ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1: Дневник. 1901 – 1929. – С. 102.

я скажу ему, как он мне свят и почему – и мне кажется, что как писатель он уже все сказал, он был из тех, которые говорят в литературе ОГРОМНОЕ слово, но ОДНО, - и зачем такому великану было жить среди тех мелких «хозяйчиков», которые поперли вслед за ним – я в своих первых статьях о нем всегда чувствовал, что он трагичен, безумный, самоубийца по призванию, но я думал, что это – насквозь литература (как было у Кукольника, у Леонида Андреева) – и вот литература стала правдой...» (14 апреля 1930 год)²²⁰.

Больше сорока лет К.И. Чуковский дружил с С.Я. Маршаком. Оба они были объединены одной идеей создания настоящей литературы для детей. Все эти годы (с 1922 по 1964) их общение строилось вокруг тех событий, которые были неизбежны в жизни страны и литературы. В начале 1920-х годов К.И.Чуковский и С.Я. Маршак увлеченно работали над детским творчеством для юных читателей, в конце 1920-х сообща боролись с литературными чиновниками, преодолевая цензурные препоны. «В 1936-1938 гг. ходатайствовали о безвинных жертвах режима, в тяжелые военные годы служили Родине пером, работая в Совинформбюро, выступая в газетах, и бесконечно помогали людям, в чьи судьбы вмешалась война»²²¹. В 1960-е К.И.Чуковский и С.Я. Маршак принимали активное участие в литературном процессе, они восторженно радовались появлению молодых ярких талантов и возмущенно выступали против их противников (оба писателя принимали участие в судьбах А.И. Солженицына и И.А. Бродского).

Главным связующим звеном в их отношениях всегда было творчество. Работая в одной области литературы, они испытывали интерес друг другу как самобытные художники. Об этом свидетельствует переписка, которую писатели вели с 1928 года до смерти одного из ее участников – С.Я. Маршака, в 1964 году. Предметом их эпистолярного диалога не раз

²²⁰ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1: Дневник. 1901 – 1929. – С. 94.

²²¹ Обухова М.А. К.И. Чуковский и С.Я. Маршак в контексте биографий и автобиографической прозы: автореф. дисс. ...к. филол. наук. – Саратов, 2007. – С. 3.

становилось обсуждение литературных достижений и планов собеседника. К.И. Чуковский и С.Я. Маршак часто использовали одни и те же жанры и темы, например, автобиографической повести о детстве, стихотворению для детей, критико-публицистическому выступлению о проблемах детской литературы, к переводам одних и тех же произведений. Таким образом, можно говорить о скрытом, внутреннем диалоге между писателями, который они вели в своих книгах.

Дневниковые записи К.И. Чуковского, содержащие многочисленные точные, правдоподобные описания литераторов, их характеры, судьбы, делает возможным для читателей узнать сложность их натур, таланта и творчества. Вместе с тем, даже такие образы, которые были созданы К.И. Чуковским бегло, так сказать, «на скорую руку» оказались не менее убедительны и правдоподобны, вполне можно представить себе человека, о котором повествует К.И. Чуковский в своем дневнике. Так, например, 22 апреля 1930 года писатель в своих записях, как бы случайно упоминает о М. Зощенко: «Сложное, мутное, замученное выражение лица. Небритые щеки – усталые глаза... Очень удручен. Я стал говорить ему, что он самый счастливый в СССР человек, что его любят и знают миллионы людей, что талант его дошел до необыкновенной зрелости, что не дальше чем сегодня я читал вслух его «Сирень» - и мы хохотали до слез. Это его приободрило, он пошел провожать меня в ГИЗ...»²²². Или, к примеру, запись от 30 сентября 1930 года, когда К.И. Чуковский описывает своего друга С. Ценского, которого не видел 17 лет: «Он вообще любит в разговоре выхвалять себя, свои произведения, свои поступки, цитировать свои былые разговоры, в которых он оказался пророком или кого-нибудь срезал... Вообще он говорит, как триумфатор»; «...Мне понятно в Ценском такое презрение к малопишущим. Сам он пишет легко и безоглядно, в нем неиссякаемый фонтан творческий. Его стихи хоть и безвкусны, наивны, провинциальны – но «фонтанны»: они хлынули из него сразу и не стоили ему никакого труда. Прозу он пишет

²²² Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1: Дневник. 1901 – 1929. – С. 72.

почти без помарок...»; «Ценский человек замечательный: гордый, непреклонный, человек сильной воли, свободолюбивый, правдивый. Если он переоценивает себя, то отнюдь не из мелкого эгоизма: нет, для него высокое мнение о себе есть потребность всей его жизни, всего его творчества. Без этой иллюзии о собственном колоссальном величии он не мог бы жить, не мог бы писать. Ни одной йоты гейневского или некрасовского презрения к себе в нем нет, он не вынес бы такого презрения»²²³.

Приведем в качестве примера еще несколько записей, сделанных К.И.Чуковским в его дневнике, характеризующих известных литераторов, с которыми он близко общался: «Шкловский – в нем что-то есть тяжеловесное, словно весь он налит чугуном, и походка у него монумента...»²²⁴ (19 ноября 1930 года); «...у меня был поэт Осип Мандельштам, читал мне свои стихи о поэтах (о Державине и Языкове), переводы из Петрарки, на смерть Андрея Белого. Читает он плохо, певучим шопотом, но сила огромная, чувство физической сладости слова дано ему, как никому из поэтов. Борода у него седая, почти ничего не осталось от той мраморной мухи, которую я знал в Куоккала...»²²⁵. Любой, даже самый быстротечный образ, описанный К.И.Чуковским, представляет собой его мнение, оценку, которую он дал конкретной личности. Так, писателя М. Альбова, который «терзается... что не может написать ни строчки», писатель как будто защищает, описывая его как «очарование чистоты и литературного благородства»²²⁶. В личности В.И.Немировича-Данченко он отмечает характерные качества, которые созвучны его фамилии: «множественность и пустопорожняя пышность – черта Немировича-Данченко...Странный темперамент: умножать все вокруг себя»²²⁷. Таких похожих на эти описания наблюдений К.И. Чуковского очень много в его дневнике, при этом они касались не только литераторов, но и других людей, которые его окружали.

²²³ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1: Дневник. 1901 – 1929. – С. 72.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Там же. – С. 82.

²²⁶ Там же.

²²⁷ Там же.

Умение мастерски лаконично, но емко изобразить огромный период из жизни человека, оценить его значимость для общества – все это присуще записям К.И. Чуковского: «Умер Полонский. Я знал его близко. Сегодня его сожгут – носатого, длинноволосого, коренастого, краснолицего, пылкого. У него не было высшего чутья литературы, как критик он был элементарен, теоретик он тоже был домотканый, самоделковый, стихов не понимал и как будто не любил, но журнальное дело было его стихией, он плавал в чужих рукописях, как в море...»²²⁸ (2 марта 1932 года). Вполне можно согласиться с мнением исследователя О.Б. Бобровой, которая очень точно подметила: «литераторы, изображенные на страницах дневника Чуковского, предстают во всем многообразии их черт и характеров, поэтому в их портретах отсутствуют черты иконы с ее одноплановостью и прямолинейностью. Манера Чуковского – не каноническое описание – а реальность и правдивость. Характерная черта всех дневниковых записей – объективность и честность. Чуковский не умаляет ничьих достоинств, искренне восхищается прекрасными чертами характера и откровенно отмечает то, что ему чуждо в людях. Своему дневнику он доверяет все, что его привлекает и отталкивает»²²⁹.

Таким образом, тема взаимоотношений с коллегами выступает одной из главных в дневнике К.И. Чуковского. Безусловный талант писателя как портретиста проявился довольно ярко на страницах его дневника в виде размышлений, наблюдений. Множественные отношения К.И. Чуковского с его современниками из мира литературы и искусства нашли свое реальное выражение в воссозданных писателем образах. Основными приемами писателя при этом стали наблюдательность и объективность, выявление индивидуального в характерах этих образов.

²²⁸ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1: Дневник. 1901 – 1929. – С. 82.

²²⁹ Там же. – С. 66.

3.3 Творчество К.И. Чуковского

Творческая деятельность К.И. Чуковского – журналиста, литературного критика и исследователя литературы – обширна и взаимосвязана. Ее научное изучение до сих пор находится в начальной стадии, т.е. на уровне описания и систематизации. Объем проделанной К.И. Чуковским творческой работы в целом огромен. Всю свою долгую жизнь К.И. Чуковский не оставлял журналистского пера, неоднократно возвращался к поднятым в ранние годы темам, развивал их, оттачивая собственную мысль.

Как уже отмечалось ранее (глава 1), К.И. Чуковский начинал свою карьеру писателя как журналист и литературный критик. Т.С. Карлова в своей работе пишет: «Он пытался создать литературно-художественную критику нового типа: критику абсолютного внимания ко всем явлениям литературного процесса в их связи с общественно-историческим состоянием национального самочувствия; критику постоянного самоуточнения, самоприближения к истине, в которой первоначально-высказанные суждения как бы проверялись год или даже целые годы спустя ходом времени и взыскательной авторской самооценкой»²³⁰. В своих критических работах К.И. Чуковский всегда шел от размышлений о языке писателя. В конце 1950-х годов он принял участие в дискуссии о языке и написал книгу «Живой как жизнь» (1962), в которой выступил как лингвист. Защищая живой язык от засилия бюрократических оборотов речи, он объявил «канцелярит» главной болезнью современного русского языка.

Литературно-критических выступлений К.И. Чуковского насчитывается очень много в рассматриваемый нами исторический период (1930-1953 годы): он много выступал перед публикой со сцены, а также на радио и телевидении, об этом свидетельствуют многочисленные записи в дневнике писателя: «Вчера читал в Доме для престарелых ученых

²³⁰ Карлова Т.С. К. Чуковский – журналист и литературный критик. – Казань, 1988. – С. 4.

воспоминания Нелидовой о Гончарове и Тургеневе» (15 апреля 1932 года)²³¹; «Только что кончил статейку для радио о Некрасове...» (13 января 1934 года)²³²; «Завтра утром у меня записывают голос в радиоцентре. Записывают на пленку. Я так волнуюсь, что не сплю, и разные ночные мысли лезут мне в голову...» (Ночь на 21 июня 1934 года); «Вчера я выступал в 3-х местах. Читал на радио о Некрасове, в Парке Культуры и Отдыха – и в 5 ч. 15 читал свои сказки опять-таки по радио» (25 января 1934 года)²³³; «Третьего дня читал в Бауманском Доме Культуры детям «литкружковцам» вступительную лекцию. – Сегодня начинаю там же практическую работу с юными дарованиями» (29 ноября 1939 года)²³⁴; «Был сейчас в телевизоре (Шаболовка, 53) и читал свои сказки» (30 ноября 1939 года)²³⁵.

Позднее, когда К.И. Чуковский был уже довольно известным критиком, он увлекся детской словесностью, которая и прославила его как детского писателя. В 1916 году К.И. Чуковским был подготовлен сборник «Елка» и написана первая сказка «Крокодил». В 1923 году были опубликованы его знаменитые сказки «Мойдодыр» и «Тараканище». В следующем году вышла сказка «Бармалей». Свои наблюдения над психикой малых детей, над тем, как они овладевают родным языком, К.И. Чуковский обобщил в своей знаменитой книге «От двух до пяти»: «Начал собирать материалы для своей книги «От двух до пяти» - для пятого издания, хотя четвертое еще не вышло. Хочу подчитать по психологии, педологии, лингвистике, а то я в этой книге сплошной самоучка. И нужно прощупать более гибкий и обаятельный стиль. Очень казенно и мертво построена вся книга. Этого не замечают, т.к. самый материал умягчает сердца, но я, держа на днях корректуру 4-го изд. этой

²³¹ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1: Дневник. 1901 – 1929. – С. 65.

²³² Там же.

²³³ Там же. – С. 65.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Там же.

книги, удивился, до чего я в ней неталантлив» (21 февраля 1934 года)²³⁶. Книга К.И. Чуковского «От двух до пяти» с момента своего появления выдержала при жизни писателя 21 издание (первая книга была опубликована в 1933 году).

Все эти произведения издавались большими тиражами и пользовались огромной популярностью среди детей, вместе с тем, со стороны властей они были постоянно под воздействием жесткой цензуры. Так, в февральском номере газеты «Правда» (1928 года) в адрес одного из произведений К.И. Чуковского была опубликована недоброжелательная статья заместителя народного комиссара просвещения РСФСР Н.К. Крупской «О «Крокодиле» Чуковского»: «Такая болтовня – неуважение к ребенку. Сначала его манят пряником – веселыми, невинными рифмами и комичными образами, а попутно дают глотать какую-то муть, которая не пройдет бесследно для него. Я думаю, «Крокодила» ребятам нашим давать не надо...»²³⁷. В это же время среди партийных критиков и редакторов появился термин - «чуковщина». В ответ на эту критику, К.И. Чуковскому в 1929 году пришлось опубликовать в «Литературной газете» письмо, в котором он обещает «отречься» от старых сказок и изменить направление своего творчества, написав сборник стихов «Веселая колхозия». По этому поводу есть запись в дневнике писателя 14 апреля 1930 года: «...и вот моя мука с Колхозией, и вот запрещены мои детские книги...»²³⁸. Однако обещания своего К.И. Чуковский не сдержит. Сборник так и не выйдет из-под его пера, а следующая сказка будет написана только через 13 лет.

Спустя многие годы в своем дневнике К.И. Чуковский 6 мая 1935 года запишет: «Вчера я выступал вечером в Педвузе им. Герцена – на вечере детских писателей. В зале было около 1½ тысячи человек. Встретили

²³⁶ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1: Дневник. 1901 – 1929. – С. 65.

²³⁷ Крупская Н.К. «О «Крокодиле» Чуковского» // Правда. – февраль. – 1928.

²³⁸ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1: Дневник. 1901 – 1929. – С. 81.

бешеным аплодисманом, я долго не мог начать, аплодировали каждой сказке, заставили прочитать четыре сказки и отрывки «От двух до пяти», и я вспомнил, что лет 8 назад я в этом самом зале выступил в защиту детской сказки – и мне свистали такие же люди – за те же самые слова – шикали, кричали «довольно», «долой», и какими помоями обливали меня педологи, – те же самые, что сейчас так любовно глядят на меня из президиума»²³⁹.

Интересно заметить, что сам К.И. Чуковский даже обижался, что его воспринимают, прежде всего, как писателя, который пишет для детей и другие его достижения в области литературы остаются менее заметны. По этому поводу есть запись в дневнике писателя, свидетельствующая об этом: «...Этот приезд показал мне, что действительно дана откуда-то свыше инструкция любить мои детские стихи. И все любят их даже чрезмерно. Чрезмерность любви главным образом и пугает меня. Я себе цену знаю, и право, тот период, когда меня хаяли, чем-то мне больше по душе, чем этот, когда меня хвалят. Теперь в Москве ко мне относятся так, будто я ничего другого не написал, кроме детских стихов, но зато будто по части детских стихов я классик. Все это, конечно, глубоко обидно» (Ночь на 21 июня 1934 года).

К.И. Чуковский был классиком не только в области детских стихов, он писал стихи и для взрослых. В своем дневнике К.И. Чуковский оставил запись 8 декабря 1931 года, которая подтверждает насколько он был разносторонне развитым человеком и профессиональным литератором: «Я ...предложил Груздеву (председателю правления, вместо Федина) сборник своих детских стихов – хочу издать их для взрослых – все те, которые написаны для Мурки, при участии Мурки, в духе Мурки. Эта книга есть как бы памятник ее веселой, нежной и светлой души. Я, конечно, не сказал им, почему мне так хочется издать эту книгу, но Мише Слонимскому (по телефону) сказал. И Миша со своей обычной отзывчивостью взялся

²³⁹ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1: Дневник. 1901 – 1929. – С. 81.

хлопотать об этом»²⁴⁰. Далее уже 5 апреля 1932 года в дневнике есть запись, которая дает понять, что намеченные писателем планы по поводу издания стихов для взрослых были поддержаны редакцией одного из издательств: «Успехи мои здесь таковы: Волин разрешил мне книжку моих детских стихов для взрослых в 4000 экз., я двинул свою книжку «Уот Уитмэн».

К.И. Чуковский был прекрасным историком и исследователем творчества Н.А. Некрасова. Ему принадлежат книги «Рассказы о Некрасове» (1930 год) и «Мастерство Некрасова» (1953 год), а также брошюры, посвященные личности и творчеству знаменитого писателя – «Пушкин и Некрасов» (1949 год), «Гоголь и Некрасов» (1952 год). В своем дневнике писатель так прокомментировал событие, связанное с изданием одной из своих книг: «Вышла моя книга «Рассказы о Некрасове». Я не рад, о нет – напротив. Она пошатнет мою редактуру Некрасова» (22 апреля 1930 года)²⁴¹; «...Я наконец-то выполз из корректуры гихловского однотомника Некрасова и другого Некрасова (для «Academia») – обе книги сразу! – из-под корректуры своих «Шестидесятых годов» и т.д. и т.д. ...» (13 января 1934 года). Кроме этих двух значимых в литературном творчестве работ, К.И. Чуковский опубликовал несколько десятков статей о Некрасове, им были открыты для читателя сотни некрасовских строк, запрещенных цензурой. Эпохе Некрасова посвящены книга и статьи о В. Слепцове, статьи об Н. Успенском, А.Панаевой, А.Дружинине: «В.И. Невский сказал мне, что ему очень понравилась моя работа над Слепцовым, и т.к. меня давно никто не хвалил как писателя, это меня страшно взволновало. ...Мне нужно готовить второй том Слепцова и исправлять «Солнечную»» (28 ноября 1931 года)²⁴².

Над многими своими произведениями К.И. Чуковский работал несколько лет, часто приходилось отстаивать каждую строчку перед лицом партийных редакторов и критиков: «На днях пришел сюда первый том

²⁴⁰ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1: Дневник. 1901 – 1929. – С. 19.

²⁴¹ Там же. – С. 39.

²⁴² Там же.

Слепцова, вышедший под моей редакцией, изобилующий нагло дурацкими опечатками. Это привело меня в бешенство. Я отдал этой книге так много себя, облелеял в ней каждую буквочку – и кто-то (не знаю, кто) всю испакостил ее опечатками. Я написал по этому поводу письма Горькому, Каменеву, Сокольникову, Гилесу, завед. ленинградской «Академией» Евгению Ив-чу (фамилию забыл), и на душе у меня отлегло» (17 июня 1932 года)²⁴³; «...В «Молодой Гвардии» ко мне отнеслись очень сердечно, но «Солнечную» велели переделать... Уот Уитмэн печатается, и «Шестидесятники» печатаются» (24 ноября 1931)²⁴⁴; «...С утра я поехал в ГИХЛ, застал Накорякова: Уитмэн уже сверстан; чуть будет бумага, его тиснут. «Шестидесятники» тоже в работе. ...Мне, главное, хочется показать Горькому «Солнечную». Я почему-то уверен, что «С-ая» ему понравится. Кроме того, черт возьми, я работал с Горьким три с половиною года, состоял с ним в долгой переписке, имею право раз в десять лет повидаться с ним однажды» (16 августа 1932 года)²⁴⁵.

Практически все произведения К.И. Чуковского из-за жесткой цензуры проходили сложный путь с момента их создания до счастливого мгновения публикации: «Поплелся в Изд-во писателей: сдавать в печать своих «Маленьких детей». Я все еще не верю, что эта книга выйдет новым изданием, я уже давно считал ее погибшей. Но около месяца назад, к моему изумлению, ее разрешила цензура, и художник Кирнарский, заведующий худож. оформлением книг Изд. писателей, выработал вместе со мною тип ее оформления» (21 ноября 1932)²⁴⁶. Книга К.И. Чуковского «Солнечная» и статьи об Н. Успенском и В. Слепцове увидели свет только в 1933 году, книга «Люди и книги шестидесятых годов» была опубликована в 1934 году.

²⁴³ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1: Дневник. 1901 – 1929. – С. 39.

²⁴⁴ Там же. – С. 51.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Там же.

Большое место в литературном наследии К.И. Чуковского занимают его воспоминания о И. Репине, М. Горьком, В. Короленко и других современниках, собранные в его книгу «Современники» (1962). Творчеству И.Репина писатель посвятил многочисленные фельетоны и выступления перед публикой. Это подтверждает ряд дневниковых записей К.И. Чуковского, сделанные им в разные периоды жизни: «Я вчера весь день провел в тоске. Третьего дня выступал в «клубе мастеров искусства» вместе с Грабарем. Читал о Репине. У меня вышел доклад очень бойкий, но поверхностный, у Грабаря – нудный и мертвый» (24 декабря 1934 года)²⁴⁷; «Вчера я закончил свой фельетон о Репине и дал в «Правду». «Правда» фельетон приняла, равно как и другой, тоже написанный в Москве – «Искусство перевода» (28 декабря 1934 года)²⁴⁸; «О Репине я написал с самой неинтересной для меня точки зрения – неинтересной, но *необходимой* для славы Репина в СССР – на тему: «Репин – наш!» Эта статья даст возможность громко прославить Репина, а то теперь он все еще на положении нелегального» (27 января 1935 года)²⁴⁹; «Не писал дневника, т.к. был занят своей книгой «Высокое искусство» и статьей о Репине, которая все разрастается» (18 января 1935 года)²⁵⁰; «24-го читал я во «Всекохудожнике» о Репине. Читал с огромным успехом – и главное, влюбил в Репина всех слушателей» (25 января 1935 года)²⁵¹; «Я в Петергофе. Работаю над Репиным – над своей статьей о нем, к-рая кажется мне и фальшивой и плоской. Нужно как-то расцветить, усложнить, обогатить» (22 марта 1936 года)²⁵². Воспоминания писались на основе дневников, которые, как уже было отмечено ранее (глава 1), К.И. Чуковский вел на протяжении всей своей жизни с 1901 по 1969 годы. Большую роль сыграл в этом отношении и

²⁴⁷ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1: Дневник. 1901 – 1929. – С. 52.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Там же.

²⁵² Там же.

рукописный альманах «Чукоккала», в котором собраны автографы, рисунки, шутки писателей и художников. «Чукоккала» также опубликована посмертно (1979 год; 2-е изд. 2000).

Важно отметить, что К.И. Чуковскому часто приходилось выполнять работы на заказ, которые давали возможность заработать, однако подчас не приносили ему какого-либо творческого удовлетворения и занимали все его свободное время. В своем дневнике писатель выразил личные переживания по этому поводу: «Я вожусь с Гамлетом... Хочу писать о переводах Шекспира для Лит. Газеты» (7 сентября 1934 года)²⁵³; «Лег вчера спать в 7 часов. Встал в три и корплю над ненавистным мне «Принцем и Нищим». Перевожу заново вместе с Колей. Коля взял себе вторую половину этой книги, я первую. В этой первой 96 страниц; работа идет очень медленно. Но все же сделано 82½. Иная страница отнимает у меня полтора часа и даже больше. А во имя чего я работаю? Сам не знаю. Хочется писать *свое*, голова так и рвется от мыслей, а приходится тратить все дни на черную батрацкую работу. И такой работы очень много. Чуть я кончу «Принца и Нищего», придется погрузиться в редактуру Некрасова, в редактуру Шекспира, в редактуру Репина, а когда же писать, черт возьми! Почему из писателя я превратился в поденщика? Вот даю себе зарок на новый год – больше до самой смерти не брать никаких окололитературных работ, а только писать повести, статьи, стихи. Ведь это смешно сказать: сказки мои имеют огромный успех, а у меня уже 5 лет нет ни секунды свободной, чтобы написать новую сказку, и я завидую каждому, кто имеет возможность хоть и бездарно писать свое (1 января 1936 года)²⁵⁴.

В 1930-е годы К.И. Чуковский начал заниматься теорией художественного перевода. В 1941 году была переиздана книга «Искусство перевода» (1936 года) под новым названием «Высокое искусство», над которой К.И. Чуковский долго и плодотворно работал: «Писал «Искусство

²⁵³Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1: Дневник. 1901 – 1929. – С. 61.

²⁵⁴ Там же.

перевода». Очень горячо писал» (1 декабря 1934 года)²⁵⁵; «Корплю над книгой «Искусство перевода». Могла бы выйти неплохая книга (пятое издание), если бы я не заболел...» (26 ноября 1939)²⁵⁶. Кроме этой книги писатель занимался переводами на русский язык произведений зарубежных авторов (М. Твен, О.Уайльд, Р. Киплинг и другие, в том числе в форме «пересказов» для детей).

В конце 1930-х годов на страницах дневника отмечается волнение и тревога К.И. Чуковского за судьбу его произведений: «Тревожит меня моя позиция в детской литературе. Выйдут ли «Сказки», выйдет ли лирика? И что Некрасов? И что «Воспоминания» Репина. Повесть моя движется медленно. Я еще не кончил главы Дракондиди. Впереди – самое трудное. В душе страшное недовольство собою» (13 ноября 1939 года)²⁵⁷; «После ударов, которые мне нанесены из-за моей сказки, - на меня посыпались сотни других – шесть месяцев считалось, что «Искусство» печатает мою книгу о Репине, и вдруг дней пять назад – печатать не будем – Вы измельчили образ Репина!!! Я перенес эту муку, уверенный, что у меня есть Чехов, которому я могу отдать всю душу. Но оказалось, что рукопись моего Чехова попала в руки к румянному Ермилову, который, фабрика о Чехове юбилейную брошюру, обокрал меня, взял у меня все, что я написал о Чехове в 1914 году накануне первой войны и теперь – во время Второй, - что обдумывал в Ленинской б-ке уединенно и радостно, - и хотя мне пора уже привыкнуть к этим обкрадываниям: обокрадена моя книга о Блоке, обокраден Некрасов, обокрадена статья о Маяковском, Евдокимов обокрал мою статью о Репине, но все же я жестоко страдаю» (Июнь на 28-ое. Ночь. 1944 года); «Сейчас вырезали из «Нового Мира» мою статью о Репине» (5 октября 1944 года); «Третьего дня вечером пришел ко мне в Переделкино Алянский и сказал, что ведется большая кампания против «Бибигона»» (25 июня 1946 года). 29

²⁵⁵ Чуковский К.И. Дневник. 1901 – 1969: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1: Дневник. 1901 – 1929. – С. 61.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Там же. – С. 31.

августа 1946 года в газете «Правда» была опубликована статья С. Крушинского «Серьезные недостатки детских журналов» с критикой «Бибигона». Печатание сказки в журнале «Мурзилка» прекращено.

Таким образом, многосторонняя литературная деятельность К.И. Чуковского во многом обусловлена постоянной нуждой, которую писатель испытывал на протяжении долгих лет. Практически каждый день его подстерегали новые трудности и испытания и, ему, как и другим людям творческой профессии, приходилось ощущать на себе давление тяжелой идеологической обстановки, которая навязывалась сверху.

Многообразие творчества К.И. Чуковского определило несколько важнейших векторов в развитии всей отечественной литературы. Детская поэзия и перевод – два явления, которые писатель «открыл» русской культуре, возведя то, что до него считалось ремесленными ответвлениями настоящей литературы, в ранг высокого искусства. Результатом теории перевода стала его книга «Высокое искусство». Как один из крупнейших специалистов по творчеству Некрасова, К.И. Чуковский принимал участие в подготовке нескольких изданий собраний его произведений. Начиная с 1920-х годов и до конца жизни литературоведение – текстология, издание произведений классических русских писателей и составление комментариев к ним стало для К.И. Чуковского одним из основных источников существования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование общественной и литературной жизни СССР в дневниках К.И. Чуковского (1930-1953 годы) позволило сделать следующие выводы.

Дневник К.И. Чуковского представляет собой не только литературную, но и историческую ценность благодаря субъективным характеристикам и углубленному самоанализу общественной и литературной жизни страны в период с 1930 по 1953 годы. Особенностью дневника рассматриваемого периода выступает слияние личных, интимных переживаний писателя и общественного содержания в единый исторический и автобиографический контекст.

Анализ дневников К.И. Чуковского (первая глава) показал, что на раннем этапе своего становления писатель акцентирует внимание на творчестве предшествующих литераторов: Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, А.П.Чехова, Ф.М. Достоевского, Н. Успенского, В.Г. Белинского. Основной темой дневниковых записей, сделанных в ранний период (1901-1929 годы) выступает углубленное, осмысленное чтение произведений разных авторов. Объектом исследования дневниковеда выступает творчество и эпистолярное наследие писателей. Дневниковые записи этого периода отличаются твердостью суждений, что вполне можно объяснить небольшим жизненным опытом К.И. Чуковского. Изучая лучшие образцы литературного творчества, писатель приобрел индивидуальную манеру критика, отличающегося своей демократичностью и незамысловатостью при решении непростых проблем, ясной системой противоположностей, острым умом и раскрывающей самую суть проблемы парадоксальностью мысли.

Кроме того, записи первого тома дневника (1901-1929 гг.) подтверждают активное присутствие К.И. Чуковского в социальной реальности. Писатель глубоко осознавал противоречивость исторического становления, поэтому картина мира К.И. Чуковского характеризуется

глубокой сосредоточенностью на настоящем, где автор дневника – активный участник исторического процесса. Дискретность, краткость записей, четкая констатация фактов подтверждает органичную для К.И. Чуковского связь с историческим временем.

Во втором томе дневника (1930-1953 годы) органично сочетаются два временных плана: личный, биографический и исторический. Дневниковед воспринимает реальность 1930-х годов как оригинальную систему сюжетной организации, соответствующую такому порядку развития действия: от конкретных событий писатель переходит к анализу пережитого, постепенно усложняя и дополняя первоначальные впечатления. Каждое событие обрastaет ассоциациями и получается, что автор одновременно существует сразу и в прошлом, и в настоящем времени, при этом иногда и предвидя будущее. Наличие внутренних ассоциативных связей, своеобразных «путей авторской мысли» становится принципом организации записей дневника. Результатом дневниковых записей данного периода является принцип мозаичности, когда все дневниковое пространство разбивается на отдельные составляющие, небольшие фрагменты, объединяемые движением авторской мысли или общей темой, в зависимости от тех событий, которые стоят в центре. В общем потоке наблюдений за пестрой мозаикой фактов, приоритеты К.И. Чуковского расставлены на событиях неординарных, явлениях «вне логики». Одна и та же тема может возникнуть в повествовании неоднократно, и вновь повториться на уровне лейтмотива. Фрагментарность и мозаичность, усиление дискретности дневникового повествования углубляются посредством графической структуры текста.

Дневник в период 1933-1939-х годов, отмечен умолчаниями, пробелами, вырезанными строками, вырванными страницами. Авторское сознание определяется временным, историческим потоком, определенной социальной обстановкой. Трагедия военных лет (1941-1945 гг.), отразившаяся в дневниковых записях К.И. Чуковского, является своеобразным историческим фоном повседневной жизни писателя. Война

воспринималась писателем как неизбежное событие, которое он и все советские люди вынуждены были пережить.

В рассматриваемый период государство играло особую роль в жизни советского общества. Отношения власти с писателями строились на взаимовыгодных условиях: с помощью творчества писателей власть пропагандировала свои идеологические установки, взамен писатели пользовались необходимыми льготами и привилегиями. В своем роде постоянно шел процесс заключения особых договоров между государством и профессиональной группой писателей. В этом процессе можно увидеть многообразные способы приспособления советских писателей к социальным условиям, в которых они вынуждены были жить, а также о возможной цене сделки с властью.

Многостороннюю литературную деятельность К.И. Чуковского можно объяснить постоянной нуждой, которую писатель испытывал на протяжении долгих лет. Практически каждый день его подстерегали новые трудности и испытания и, ему, как и другим людям творческой профессии, приходилось ощущать на себе давление тяжелой идеологической обстановки, которая навязывалась сверху.

Одной из главных в дневнике К.И. Чуковского выступает тема взаимоотношений с коллегами. Безусловный талант писателя как портретиста проявился довольно ярко на страницах его дневника в виде размышлений, наблюдений. Множественные отношения К.И. Чуковского с его современниками из мира литературы и искусства нашли свое реальное выражение в воссозданных писателем образах. Основными приемами писателя при этом стали наблюдательность и объективность, выявление индивидуального в характерах этих образов.

Многообразие творчества К.И. Чуковского определило несколько важнейших векторов в развитии всей отечественной литературы. Детская поэзия и перевод – два явления, которые писатель «открыл» русской культуре, возведя то, что до него считалось ремесленными ответвлениями

настоящей литературы, в ранг высокого искусства. Результатом теории перевода стала его книга «Высокое искусство». Как один из крупнейших специалистов по творчеству Некрасова, К.И. Чуковский принимал участие в подготовке нескольких изданий собраний его произведений. Начиная с 1920-х годов и до конца жизни литературоведение – текстология, издание произведений классических русских писателей и составление комментариев к ним стало для К.И. Чуковского одним из основных источников существования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. 2-е стереотип. изд. – М., Л.: 1931. – 196 с.
2. Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М.: – 1993. – С. 196.
3. Из информации наркома государственной безопасности СССР В.Н. Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о политических настроениях и высказываниях писателей (31 октября 1944 года) // Родина. – 1992. – № 1. – С. 92–96.
4. Из «Отчета о работе КПК при ЦК КПСС за период с XX по XXII съезд КПСС (1956 – 1961 гг.)» // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 11. – С. 53.
5. История индустриализации СССР 1933–1937 гг. (Документы и материалы). – М.: Наука. – 1971. – [Электронный ресурс]: – <http://istmat.info/node/3717> (дата обращения: 20.10.2016)
6. История индустриализации СССР 1938–1941 гг. (Документы и материалы). – М.: Наука. – 1972. – [Электронный ресурс]: – <http://istmat.info/node/7685> (дата обращения 20.10.2016)
7. Конституция СССР 1936 года [Электронный ресурс]: – <http://xn--d1aml.xn--h1aaridg8g.xn--p1ai/20/konstitutsiya-sssr-1936-goda/> (дата обращения 20.10.2016)
8. Крупская, Н.К. «О «Крокодиле» Чуковского» // Правда. – февраль. – 1928.
9. Метрическая книга Владимирской церкви за 1882 год. [Электронный ресурс]: –

<http://forum.vgd.ru/file.php?fid=195528&key=2135422472> (дата обращения 29.10.2016)

10. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий: В 2-х ч. / Сост.: Кулагина В.С., Щепанов В.А.; Под общ. ред. и с предисл. Весновской Г.Ф.; Генеральная прокуратура РФ. – Курск.: ГУИПП «Курск», 1999. – 510 с.

11. Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренный Военной коллегией Верховного суда СССР 2– 13 марта 1938 г. – М.: 1938. [Электронный ресурс]: – <http://www.ex-jure.ru/freelaw/news.php?newsid=777> (дата обращения 16.11.2016)

12. Устав Союза советских писателей (в ред. 1934 года) / Союз писателей СССР [Электронный ресурс]: – <https://wiki2.org/ru> (дата обращения 21.03.2017)

II. Литература

13. Антипина, В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930 – 1950-е годы / В.А. Антипина. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 408 с.

14. Берман, Д.А. Корней Иванович Чуковский: Библиографический указ. / Д.А. Берман. – СПб. : Восточная литература, 1999 – 468 с.

15. Берман Д.А. Корней Чуковский: Библиографический указатель / Д.А. Берман. – Ленинград: Б. и., 1984. – 371 с.

16. Блюм, А.В. Глава II. Главлит и его структура // Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953: монография / А.В. Блюм. – СПб.: Академический проект, 2000. – 283 с.

17. Блюм, А.В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры, 1917– 1929 / А.В. Блюм. – СПб.: Академический проект, 1994. – 320 с.

18. Блюм, А.В. Закат Главлита: Как разрушалась система советской цензуры: Документальная хроника 1985–1991 гг. Книга: Исследования и материалы / А.В. Блюм. – М.: Терра, 1995. – 187 с.
19. Блюм, А. В. Рукописи не горят? К 80–летию основания Главлита СССР и 10–летию его кончины /А.В. Блюм // Звезда. – 2002. – № 6. – С. 201–211.
20. Боброва, О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: автореф. дисс. ...к. фил.н. – 10.01.01 / О.Б. Боброва / Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2007. – 27 с.
21. Боброва, О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дисс. ...к. фил.н. – 10.01.01 / О.Б. Боброва / Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2007. – 170 с.
22. Боброва, О.Б. Общечеловеческие проблемы в дневнике К.И.Чуковского. Объективное и субъективное / О.Б. Боброва // Режим доступа: <http://refdb.ru/look/1236796.html> (дата обращения – 8.02.2017).
23. Богданова, С.В. Воспоминания о Корнее Чуковском / С.В.Богданова. – М.: Логос, 2001. – 352 с.
24. Богомолов, Н.А. Дневники в русской культуре начала XX века. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания / Н.А. Богомолов. – Томск.: Водолей. – 1999. – 640 с.
25. Божко, А.В. Корней Чуковский в Одессе / А.В. Божко // Вечерняя Одесса газета. – 2012. – 24 мая.
26. Бровко, Л.Н. Германская социал–демократия в годы фашистской диктатуры (1933– 1945) / Л.Н. Бровко. – М.: Наука, 1988. – 306 с.
27. Буртин, Ю.Г. Власть против литературы (60–е годы): Персональные цензурные дела по документам ЦК КПСС и Главлита / Ю.Г. Буртин // Вопросы литературы. – 1994. – Вып. 2. – С. 225.
28. Вернадский, В.И. Дневники / В.И. Вернадский // URL: <http://vernadsky.lib.ru/> (Дата обращения: 11.01.2017)

29. Воспоминания о Корнее Чуковском / сост. и коммент. Е.Ц. Чуковской, Е.В. Иванова. – М.: Никая, 2012. – 512 с.
30. Гинзбург, Л.Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. (Главы из книги) / Л.Я. Гинзбург // URL: <http://www.srcc.msu.ru/uni-persona/ginsburg.htm> (Дата обращения: 28.12.2016)
31. Голубков, М.М. Русская литература XX века. После раскола / М.М. Голубков. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 273 с.
32. Горький, М. Литературные портреты / М. Горький; вступ. ст. К. Чуковский. – М.: Молодая гвардия, 1963. – 576 с.
33. Деменьтьев А.Г. Русская советская литература / А.Г. Деменьтьев, Е.И. Наумов, Л.А. Плоткин. – М.: Уч.пед.гиз, 1963. – 397 с.
34. Дрейден, С. Воспоминания К.И. Чуковского: О К.И. Чуковском / С. Дрейден // Театр. – 1989. – № 7. – С. 52 – 61.
35. Ершов, Л.Ф. История русской советской литературы / Л.Ф. Ершов. – М.: Высш. Шк., 1988. – 341 с.
36. Золотоносов, М.Н. Не «дедушка Корней», а именно «белый волк» / М.Н. Золотоносов // Санкт–Петербургский университет. – 1998. – № 13: – URL: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/Zolotonosov.htm> (дата обращения: 29.10.2016)
37. Егоров, О.Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра / О.Г. Егоров. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 288 с.
38. Иванов, Вс. Дневники 1924 май 1941. Дневники 1941 июнь – 1945. Дневники 1946 – 1963 // URL: <http://www.srcc.msu.ru/uni-persona/ivanov.htm> (Дата обращения: 18.12.2016)
39. Иванова, Е. Чуковский после Семнадцатого // URL: <http://chukovskiy.lit-info.ru/chukovskiy/about/ivanova-chukovskij-posle-semnadcatogo.htm>
40. Иванюшина, И.Ю. А.И. Солженицын в дневниках и письмах К.И.Чуковского / И.Ю. Иванюшина // Известия Саратовского университета. – 2014. – № 2. – Т. 14. – С. 37.

41. Каратуев, М.И. 1939–1945: взгляд из России и Германии / М.И. Каратуев, М.И. Фролов. – СПб.: СПб «Павел» ВОГ, 2006. – 388 с.
42. Карлова, Т.С. К. Чуковский – журналист и литературный критик / Т.С. Карлова. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1988 – 144 с.
43. Кимерлинг, А.С. Террор на излете. «Дело врачей» в уральской провинции / А.С. Кимерлинг. – Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, 2011. – 163 с.
44. Клейн, Б.Д. Реванш Сталинистов: URL: <http://kackad.com/kackad/%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D1%88%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2/#more-15099> (Дата обращения: 22.10.2016)
45. Кочеткова, А.А. К.И. Чуковский – литературный критик 1900-1910 – х годов: дисс. ...к. филол. наук. – 10.01.01 / А.А. Кочеткова / Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2004. – 188 с.
46. Кубайдулова, А.Ю. Дневник К.И. Чуковского: к вопросу о художественном своеобразии / А.Ю. Кубайдулова // Вестник СамГУ. – 2015. – № 11. – С. 120–125.
47. Кузнецов, Н.Г. На далеком меридиане. Воспоминания участника национально-революционной войны в Испании / Н.Г. Кузнецов. – 3-е изд., доп. – М.: Наука, 1988. – 237 с.
48. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А.Н. Яковлева. – М.: МФД, 1999 – 512 с.
49. Латыпов, Р.А. Культурный шок в международных отношениях. Опыт работы АРА в Советской России в 1921– 1923 гг. / Р.А. Латыпов // Новый Исторический вестник. – 2005. – №1. – С.12
50. Лацис, О.Р Проблема темпов в социалистическом строительстве. Размышления экономиста / О.Р. Лацис // Коммунист. – 1987. – №18. С.85

51. Лихачев, Д. С. Культура как целостная среда / Д.С Лихачев // Новый мир. – 1994. – № 8.
52. Молотов, Маленков, Каганович. 1957. стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. акад. А. Н. Яковлева. – М.: МФД, 1999. – 781 с.
53. Молотов, Маленков, Каганович. 1957. стенограмма июньского пленума ЦК КПСС / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Н. Ковалева, А. Короткое, С. Мельчин. – М.: МФД, 1998. – 382 с.
54. Ноув, А.Я. О судьбах нэпа / А.Я. Ноув // Вопросы истории. – 1989. – № 8. – С. 172.
55. Обухова, М.А. К.И. Чуковский и С.Я. Маршак в контексте биографий и автобиографической прозы: автореф. дисс. ...к. филол. наук. – 10.01.01 / М.А. Обухова / Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского. – Саратов, 2007. – 29 с.
56. Обухова, М.А. К.И. Чуковский и С.Я. Маршак в контексте биографий и автобиографической прозы: дисс. ...к. филол. наук. – 10.01.01 / М.А. Обухова / Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского. – Саратов, 2007. – 190 с.
57. Оксман Ю.Г. Ю.Г. Оксман – К.И. Чуковский: Переписка, 1949–1969 / Ю.Г. Оксман / Подгот. и авт. предисл. А.Л. Гришунин; сост. А.Л. Гришунин. – М.: Языки славян. культуры: А. Кошелев, 2001 – 174 с.
58. Островитянов, К.В. Организация науки в первые годы Советской власти (1917– 1925) / К.В. Островитянов. – Л.: Наука, 1968. – 420 с.
59. Петровский, М.С. Корней Чуковский: критико-биогр. очерк / М.С. Петровский. – М.: Детгиз, 1960. – 112 с.
60. Письмо К.И. Чуковского С.Я. Маршаку (1 марта 1942 года) // Вопросы литературы. – 1972. – № 1. – С. 172.
61. Письма деятелей науки и культуры против реабилитации Сталина / URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/letters/antistalin.htm> (Дата обращения: 9.11.2016)

62. Погребинская, В.А. Институциональные особенности начала индустриализации России: автореферат докторской диссертации. канд. эконом. наук / В.А. Погребинская. – М.: 2009, – 387 с.
63. Полевой, В.М. Малая история искусств. Искусство XX века. 1901 – 1945 / В.М. Полевой. – М.: 1991, – 304 с.
64. Поляков, Н. Дело Рюмина / Н. Поляков // Вестник Верховного Суда СССР. – 1991. – № 12. – С. 30– 32; О деле В Абакумова И Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 2. – С. 133; Там же. – 1991. – № 1. – С. 154, 175.
65. Полян, П.М. Депортации и этничность. Сталинские депортации. 1928–1953 / П.М. Полян. – М.: МФД Материк, 2005. – 904 с.
66. Пришвин, М. Дневник. 1931 – 1932 гг. / М. Пришвин // Октябрь. – 1990. – № 1. – С. 47.
67. Раппопорт, Я.Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года / Я.Л. Раппопорт. – М.: Издательство Пушкинского Фонда, 2003. – 280 с.
68. Репин, И.Е. Переписка 1906-1929 / Илья Репин, Корней Чуковский; [подгот. текста и публ.: Е.Ц. Чуковская и Г.С. Чурак; вступ. ст. Г.С. Чурак; коммент.: Е.Г. Левенфиш и Г.С. Чурак]. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 351 с.
69. Рогачевская, Л.С. Как составлялся план первой пятилетки / Л.С. Рогачевская // Восток. – 2005. – № 3.
70. Розанов, В.В. К. Чуковский. Поэзия грядущей демократии. Уолт Уитмен [Электронный ресурс] / В.В. Розанов. – М.: Лань, 2013. – URL: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_cid=25&pl1_id=6413.
71. Розанов, В.В. К.И. Чуковский о русской жизни и литературе / В.В.Розанов. – М.: Лань, 2013. – URL: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_cid=25&pl1_id=7734.
72. Русаков, Д.В. Жизнь и творчество Корнея Чуковского / Д.В.Русаков. – М.: Просвещение, 1978. – 215 с.
73. Солженицын, А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни / А. Солженицын // Новый мир. – 1991. – № 6. – С. 84.

74. Солженицын, А. Лидия Чуковская. Некролог / А. Солженицын // Литературная газета – 1996. – 14 февр.
75. Фадеев, А. Материалы и исследования / А. Фадеев. – М., 1977. – С. 194.
76. Фролов, М.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в немецкой историографии / М.И. Фролов. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2008. – 132 с.
77. Хаустов, В.Н. Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «СМЕРШ». 1939 – март 1946 / В.Н. Хаустов. – М.: Международный фонд «Демократия», 2006. – 640 с.
78. Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х годов и «дело Госплана» / О.В. Хлевнюк // Отечеств. история. – 2001. – №3. – С. 80.
79. Хлевнюк, О.В. 30-е годы. Кризисы, реформы, насилие / О.В.Хлевнюк // Свободная мысль. – 1991.– №17. – С.77–78.
80. Чуковская, Л.К. Записки об Анне Ахматовой. 1938 – 1941 /Л.К.Чуковская. – М.: Архангельск, 1997. – 656 с.
81. Чуковская, Е.Ц. Литературный путь Корнея Чуковского / Е.Ц. Чуковская, Л.К. Чуковская // Книжное обозрение. – 1989. – № 47.
82. Чуковская, Е.Ц. Чукоккала: рукописный альманах Корнея Чуковского / [предисл. И. Андроникова; коммент. К. Чуковского; сост., подгот. текста и примеч. Елены Чуковской]. – М.: Русский путь, 2006. – 582 с.
83. Чуковская, Е.Ц. «Помощь гонимым – часть жизни Корнея Ивановича» / Е.Ц. Чуковская // Новая газета. – 2014. – 31 октября.
84. Чуковская, Л.К. Памяти детства. Воспоминания о Корнее Чуковском / Л.К. Чуковская. – СПб.: Лимбус Пресс, 2001. – 208 с.
85. Чуковская, Л.К. Сочинения. Повести. Воспоминания / Л.К.Чуковская. – М.: Гудьял–Пресс, 2000. – 432 с.

86. Чуковский, К.И. Александр Блок как человек и поэт: введение в поэзию Блока / Корней Чуковский; [вступ. ст. и коммент. Е.В. Ивановой]. – М.: Русский путь, 2010. – 181 с.

87. Чуковский, К.И. Борьба с «Чуковшиной»: собрание сочинений в 15-ти т. Т.2 / К.И. Чуковский. – М.: Терра Книжный клуб, 2009. – С. 601 – 628.

88. Чуковский, К.И. Высокое искусство: о принципах художественного перевода / Корней Чуковский. – М.: Искусство, 1964. – 355 с.

89. Чуковский, К.И. Высокое искусство: [о художественном переводе] / Корней Чуковский. – М.: Советский писатель, 1988. – 349 с.

90. Чуковский и Жаботинский. История взаимоотношений в текстах и комментариях / авт. и сост. Е. Иванова; Международн. науч. конференция «Русский голос на Земле Израиля»; Еврейский ун-т в Иерусалиме; Ассоциация «Гишрей Тарбут» = Мосты культуры. – М. – Иерусалим: Мосты культуры: Гешарим, 2005. – 272 с.

91. Чуковский, К.И. Из воспоминаний / Корней Чуковский. – М.: Советский писатель, 1959. – 464 с.

92. Чуковский, К.И. Из воспоминаний. Репин. Горький. Андреев. Кони. Брюсов. Маяковский. Житников. Тынянов / Корней Чуковский. – М.: Советский писатель, 1958. – 364 с.

93. Чуковский, К.И. Критические рассказы / К.И. Чуковский. – М.: Правда. Сочинения в двух томах. – Т. 2, 1990. – 622 с.

94. Чуковский, К.И. Люди и книги / Корней Чуковский. – 2-е изд., доп. – М.: Гослитиздат, 1960. – 671 с.

95. Чуковский, К.И. Люди и книги шестидесятых годов: статьи и материалы / Корней Чуковский. – [Ленинград]: Издательство писателей, [1934] – 310 с.

96. Чуковский, К.И. Мастерство Некрасова / Корней Чуковский. – 4-е изд. – М.: Гослитиздат, 1962. – 728 с.

97. Чуковский, К.И. Мой Уитмен. Очерки о жизни и творчестве: избранные переводы из «Листьев травы». – Проза / Корней Чуковский. – [М.: Прогресс, 1966] – 271 с.
98. Чуковский, К.И. Предчувствие счастья: Произведения 20–30-х годов. Дневники. Стихи и письма / К.И. Чуковский. – М.: Корона–принт, 1999. – 656 с.
99. Чуковский, К.И. Дневник. 1901 – 1969 / К.И. Чуковский. – В 2 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003. – Т. 2: Дневник. 1930 – 1969. – 655 с.
100. Чуковский, К.И. Дневник: в 3 т. Т. 1: 1901–1921 / К.И. Чуковский; сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской; предисл. В. Каверина. – М.: Изд-во «ПРОЗАиК», 2011. – 592 с.
101. Чуковский, К.И. Илья Репин / Корней Чуковский. – 2-е изд., перер. и доп. – М.: Искусство, 1983. – 143 с.
102. Чуковский, Н.К. О Чехове / Н.К. Чуковский. – М.: Художественная литература, 1967 – 208 с.
103. Чуковский Н.К. О том, что видел / Н.К. Чуковский; [вступ. ст., подгот. текст и коммент. Е.Н. Никитина]. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 687с.
104. Чуковский, К.И. От Чехова до наших дней: Литературные портреты. Характеристики / К.И. Чуковский. – СПб.: Издательское бюро, 1908. – 268 с.
105. Чуковский, К.И. Собрание сочинений, Т. 15 Письма (1926–1969): – URL: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/t15.pdf> (Дата обращения: 30.10.2016)
106. Чуковский, К.И. Современники. Портреты и этюды / К.И. Чуковский. – [Изд. 4-е, испр. и доп.]. – М.: Молодая гвардия, 1967. – 588 с.
107. Чуковский К.И. Современники: портреты и этюды / Корней Чуковский. – [Изд. 5-е, испр. и доп.]. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 647 с.

108. Чуковский, К.И. Переписка: 1912 – 1969 / К.И. Чуковский, Л.К.Чуковская. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 592 с.
109. Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского / Предисл. И. Андроникова; Коммент. К. Чуковского; Сост., подгот. текста, примеч. Е.Чуковской. – М.: Русский путь, 2006. – 584 с.
110. Шишов, А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов / А.В. Шишов. – М.: Вече, 2001. – 521 с.
111. Шумилов, М.И. История России. Конец XIX начало XX века / М.И.Шумилов, М.М. Шумилов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – С. 52 – 53.
112. Юнг, К.Г. Сознание, бессознательное и индивидуация // Зарубежный психоанализ: учебное пособие / К.Г. Юнг; сост. и общ. ред. В.М.Лейбина. – СПб.: Изд-во «Питер», 2001. – С. 224–242.
113. Яковлев Н.Н. Накануне, 1931– 1939. Как мир был ввергнут в войну: Краткая история в документах, воспоминаниях и комментариях / Н.Н. Яковлев, О.Л. Степанова, Е.Б.Салынская. – М.: Политиздат, 1991. – 272 с.
114. Яковлева, А.Н. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / А.Н. Яковлева. – М.: Материк, 2002. – 872 с.
115. Ярошевского, М.Г. Репрессированная наука / М.Г. Ярошевского. – Л.: Наука, 1991. – 558 с.